

Федор Ибатович Раззаков
Анатолий Тарасов. Битва железных тренеров
Серия «Легенды нашего спорта»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6685771
Анатолий Тарасов. Битва железных тренеров: Алгоритм; Москва; 2014
ISBN 978-5-4438-0668-6

Аннотация

Великий хоккеист, замечательный футболист и гениальный тренер Анатолий Тарасов был символом советского спорта. «Британская энциклопедия» называет его «отцом русского хоккея», сделавшим СССР «доминирующей силой» в международном хоккее. И это действительно так.

Анатолий Тарасов сделал, казалось бы, невозможное: совместно с заслуженным тренером СССР Аркадием Чернышевым установил непревзойдённый рекорд – в течение 9 лет подряд (1963–1971) сборная СССР по хоккею под их руководством становилась чемпионом во всех международных турнирах.

Предлагаемая читателю новая книга известного российского писателя Федора Раззакова – это не просто биография великого спортсмена и педагога: это книга о великих тренерах и великих победах.

Содержание

Время Чернышева, или За что Тарасова убрали из сборной	4
Время Тарасова: поражение	12
Возвращение Чернышева: провал	17
Чернышев и Тарасов: начало триумфа	20
Байки Тарасова	26
Женсовет Тарасова	28
Чернышев против Тарасова... в кино	30
Тарасов против Боброва и Эпштейна, или Как и почему отцепили Евгения Майорова	33
ЦСКА – собиратель талантов	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Федор Раззаков Анатолий Тарасов. Битва железных тренеров

Время Чернышева, или За что Тарасова убрали из сборной

Первым хоккейным тренером-чемпионом в СССР был Аркадий Чернышев. Это он привел свою команду, московское «Динамо», к золотым медалям на первом чемпионате СССР по хоккею с шайбой в сезоне 1946/1947 годов. Правда, это чемпионство не было бесспорным, подавляющим, поскольку стало возможным благодаря лишь лучшей разнице забитых и пропущенных шайб. Как это вышло? В том сезоне (а он длился всего чуть больше месяца – с 22 декабря 1946 по 26 января 1947 года) в чемпионате СССР участвовало двенадцать команд: четыре московские в лице «Динамо», ЦДКА, «Спартак», ВВС МВО, а также восемь иногородних – «Динамо» (Рига), «Водник» (Архангельск), «Дом офицеров» (Свердловск), «Дом офицеров» (Ленинград), «Динамо» (Ленинград), «Динамо» (Таллин), «Спартак» (Ужгород), Команда города Каунаса.

В те годы катков с искусственным льдом в СССР не было, поэтому игры проводились в естественных условиях. Вот почему все 30 игр чемпионата необходимо было провести за время устойчивой зимы – то есть за месяц. Финальные игры, самые драматичные, проводились на катке стадиона «Динамо» в Москве и вызвали массовый ажиотаж. В первом круге главного финала армейцы из ЦДКА победили обоих соперников (столичные «Динамо» и «Спартак») и набрали 4 очка, а спартаковцы – 2. А вот хозяева льда динамовцы оба матча проиграли (с ЦДКА 2:3, со «Спартаком» – 0:1). Однако во втором круге динамовцы взяли реванш: 2:1 у ЦДКА, 6:1 у «Спартак». Таким образом, у всех трех финалистов стало по 4 очка, и для выявления первого чемпиона пришлось считать заброшенные и пропущенные шайбы. Лучшая разность оказалась у динамовцев – 10—6 (у ЦДКА – 5—6, у «Спартак» – 4—7).

Итак, тренером первых чемпионов был Аркадий Чернышев. Причем он был тренером не «сидячим», а играющим – играл левым крайним нападающим. Причем отметим, что он пришел в спорт в четырнадцатилетнем возрасте – в 1928 году, играя в футбол и хоккей с мячом в московском клубе имени Кухмистерова. В 1936 году он пришел в «Динамо». В хоккее с мячом у него было гораздо больше побед: если в качестве футболиста он дважды становился чемпионом СССР (1937, 1940) и один раз завоевал Кубок СССР (1937), то как хоккеист он побеждал четырежды (1937, 1938, 1940, 1941).

Чернышев был настоящим виртуозом хоккея с мячом. Держа клюшку левой рукой, он играл очень своеобразно. Он отлично прикрывал мяч при обводке, а также обладал точным

резким ударом и скоростным рывком по краю. Когда в 1946 году он переключился на хоккей с шайбой (именно тогда он и стал играющим тренером «Динамо»), то он перенес свои навыки в новую игру. Однако большой результативностью он не блистал: став автором первой шайбы первого чемпионата СССР, он так и не сумел войти в десятку лучших бомбардиров того чемпионата. Между тем возглавил список бомбардиров хоккеист команды Военно-воздушных сил (ВВС) Анатолий Тарасов, забросивший 14 шайб. Тот самый Тарасов, который в следующем сезоне перейдет в качестве играющего тренера в ЦДКА и приведет эту команду к золотым медалям (после этого армейцы Москвы под его руководством еще 16 раз станут чемпионами – рекордный показатель).

А. Чернышев и А. Тарасов ведут сборную СССР в бой

В отличие от Чернышева, Тарасов пришел в большой спорт (в футбол и хоккей с мячом) в тринадцатилетнем возрасте – в 1931 году, начав играть в юношеской команде «Динамо» (Москва). И наград у него было меньше: он лишь дважды становился обладателем Кубка СССР по хоккею с мячом (1945, 1946). Однако «забивала» он был тот еще: играя в хоккей с шайбой на позиции центрального нападающего (с 1946 года), он «заколотил» в ворота соперников за несколько лет 102 шайбы (в 100 играх, причем в составе ЦДКА забил 88 голов). Так что Тарасов и тренером оказался прекрасным, и бомбардиром ценнейшим. Знаменитая тройка нападения ЦДКА Евгений Бабич – Анатолий Тарасов – Всеволод Бобров наводила ужас на защитные порядки соперников. Например, в чемпионате 1948 года они забили 108 голов – шестую часть всего количества (617) голов первенства.

Отметим, что если Чернышев не имел профессионального тренерского образования, то Тарасов в 1937 году поступил учиться в Высшую школу тренеров при Московском институте физкультуры. И учился у знаменитого педагога Михаила Давыдовича Товаровского, который возглавлял в институте кафедру футбола и хоккея. По словам А. Тарасова: «Счастье, если встречаешь в жизни мудрого друга, наставника... Товаровский никогда не взирал на нас с пьедестала своих обширных знаний. Это он, едва мне минуло девятнадцать и я только что поступил в Высшую школу тренеров, дал мне совет: «Иди работай! У тебя нет командного голоса, да и вообще много чего нет»...»

Если взять статистику, то в те годы ЦДКА под водительством Тарасова был сильнее «Динамо» Чернышева. Команды исповедовали разные тактические схемы игры, поскольку состав у них был разный. Если у Тарасова было много талантливых и сильных игроков, то у Чернышева таковых было гораздо меньше – в основном середняки. Поэтому он исповедовал тактику игры от обороны, когда его игроки ловили соперника на контратаках. Впрочем, в его «оборонной» тактике было много и созидательных идей – тех самых, которыми славился хоккей в исполнении Тарасова. Однако различие в составах команд чаще всего склоняло чашу весов на льду в пользу «птенцов гнезда» Тарасова. Поэтому у армейцев было

поболее. Так, в период 1948–1954 годов они трижды становились чемпионами СССР (1948, 1949, 1950), а вот «Динамо» смогло достичь этого лишь однажды (1954). Именно поэтому, когда стало известно, что в 1954 году сборная СССР дебютирует на своем первом чемпионате мира и Европы в Швеции, старшим тренером был назначен Тарасов, а помощником к нему делегировали старшего тренера не московского «Динамо», будущего чемпиона страны 1954 года, а наставника другого столичного клуба – «Крылья Советов» (3-е место) – Владимира Егорова.

В состав советской сборной образца 1954 года вошли 17 хоккеистов, причем подавляющая их часть была из ЦДСА. Это были: вратари – Николай Пучков и Григорий Мкртчян (оба – ЦДСА); защитники – Альфред Кучевский («Крылья Советов»), Дмитрий Уколов (ЦДСА), Александр Виноградов (ЦДСА), Павел Жибуртович (ЦДСА), Генрих Сидоренков (ЦДСА); нападающие – Всеволод Бобров (ЦДСА), Виктор Шувалов (ЦДСА), Алексей Гурышев («Крылья Советов»), Дмитрий Крылов («Динамо»), Михаил Бычков («Крылья Советов»), Александр Уваров («Динамо»), Валентин Кузин («Динамо»), Евгений Бабич (ЦДСА), Николай Хлыстов («Крылья Советов»), Александр Комаров (ЦДСА).

В таком составе сборная отправилась на осенний сбор в ГДР. Правда, одного хоккеиста среди них не было – Всеволода Боброва, который помимо хоккея играл еще и в футбол за тот же ЦДСА, а футбольный сезон на тот момент еще не закончился. Однако Тарасов от такого расклада был только счастлив. Дело в том, что они с Бобровым давно находились в контрах, поэтому старались лишний раз не пересекаться.

«Сборников» поселили на уютной даче в Кинбауме, на берегу озера, однако там они по воле Тарасова почти не бывали. Почему? Тренер заставил хоккеистов поселиться на втором этаже «Зееленбиндерхалле» в Берлине, причем прямо в гимнастическом зале, где специально были поставлены койки для спортсменов. Сделано это было неслучайно. Тарасов хотел «задавить» будущих своих соперников на мировом чемпионате с помощью атлетизма, поэтому ввел не двухразовые, а почти трехразовые тренировки. Поэтому утро у хоккеистов начиналось с зарядки на льду на коньках (40–50 минут), потом с 12 до 14 часов проходила основная тренировка. А вечером, с 19 до 21 часа, проводилась еще одна тренировка.

Отметим, что более молодые воспитанники Тарасова из команды ЦДСА – Сологубов, Трегубов и другие – справлялись с этими невиданными физическими нагрузками, поскольку были к ним подготовлены. Чего нельзя было сказать о «сборниках» из «Динамо» и «Крыльев Советов», а также армейских ветеранов в лице Евгения Бабича и Александра Виноградова, которые быстро выдохлись и едва волочили ноги. Даже самый выносливый из армейцев Иван Трегубов очень скоро стал выражать свое недовольство такими непомерными нагрузками. Некоторые игроки даже предлагали спать прямо в амуниции, поскольку у них не было сил, чтобы ее снять. В итоге даже самый мощный игрок – Александр Виноградов – через неделю таких тренировок сбросил несколько килограммов веса.

В конце концов некоторые игроки стали откровенно саботировать тренерские указания. И как только Тарасов отворачивался, прекращали тренировку. Но тренер быстро пресекал это непослушание, а провинившихся наказывал новыми непосильными упражнениями. Причем это был чистой воды эксперимент, поскольку в те времена никакой научно обоснованной системы такого рода тренировок еще не существовало. И Тарасов все делал по наитию, причем греб всех под одну гребенку – как выносливых хоккеистов, так и менее выносливых. В итоге спустя две недели команда оказалась выжатой как лимон, что подвигло Тарасова вернуть игроков на базу в Кинбаум. Там ребята перевели дух, но длилось это недолго. Спустя пару дней Тарасов возобновил свои изнурительные тренировки с новой силой. Тем более что спустя некоторое время, в начале ноября, сборной предстояло сыграть несколько товарищеских матчей со сборной Чехословакии.

Во время этих игр всем, кто их видел, стало понятно – сборная СССР напоминает собой вареных куриц, а не боеспособную дружину. Делегация об этом тут же была отправлена в Москву. После чего председатель Спорткомитета СССР Николай Романов вынужден был принять меры. И в Чехословакию были отправлены государственный тренер по хоккею Александр Новокрещенов (тот самый, который в 1962 году впервые приведет московский «Спартак» к золотым медалям чемпионата СССР, о чем мы обязательно еще расскажем) и председатель Всесоюзной федерации хоккея Павел Коротков.

Когда они приехали в Братиславу и зашли в расположение советской сборной (она проживала в одной из гостиниц), то увидели шокирующую картину. Все игроки вповалку лежали на своих кроватях, причем большинство из них в верхней одежде. А на вопрос: «Что происходит?» – команда начала дружно... костерить Тарасова. В итоге посланцы из Москвы на ближайшие три дня отменили в команде любые тренировки. А когда сборная вернулась в Москву, начался «разбор полетов», во время которого Тарасову досталось по первое число. Но главное – было решено отстранить его от руководства сборной, поскольку его методика тренировок не сулила нашей сборной хороших перспектив на чемпионате мира. Чуть позже в спортивных кругах будут ходить разговоры, что на смещении Тарасова настоял его давний недоброжелатель Всеволод Бобров. Дескать, он пришел к Романову и заявил: «Либо я, либо Тарасов!» Но это всего лишь легенда. По словам журналиста А. Салуцкого: «Никакая делегация хоккеистов во главе с Бобровым не ходатайствовала перед Спорткомитетом о снятии Тарасова, как рассказывают знающие люди. Эти весьма устойчивые легенды ничего общего с действительностью не имеют и слишком упрощенно, искаженно представляют механизм принятия таких важных решений, как замена главного наставника сборной команды.

Конечно, Всеволод Михайлович Бобров имел самое непосредственное отношение к вопросу о том, кто будет старшим тренером сборной команды по хоккею, потому что был самым лучшим игроком и самой яркой фигурой, представлявшей точку зрения, противоположную тарасовской. Ни Виноградов, ни Бабич не могли бы без поддержки Боброва противостоять нажиму Анатолия Владимировича. Однако Всеволод Михайлович оказывал сильнейшее влияние на ход событий не какими-то конкретными действиями или демаршами перед спортивным руководством, а... самим фактом своего существования в хоккейном мире. И уяснить это очень важно, потому что проблема заключалась отнюдь не в личных симпатиях и антипатиях Тарасова и Боброва, а в том, как развиваться советскому хоккею, как готовиться к чемпионату мира. И необходимо повторить, что сводить такой серьезнейший вопрос к ситуации «или я, или он!», как делают некоторые, и в том числе Анатолий Владимирович Тарасов, неправомерно, попросту говоря, неправильно...»

А вот что рассказывал о смещении Тарасова очевидец тех событий – Борис Мякинков, который в тот период был начальником Управления спортивных игр Спорткомитета СССР: «Я как начальник Управления спорта был за то, чтобы вместо Тарасова назначить старшим тренером Чернышева. Почему? Потому что в то время Тарасов не мог морально объединить команду. И поскольку Бобров был ведущим игроком, от него, по существу, зависел успех нашего хоккея. Было заседание коллегии Спорткомитета. Вел его Андрианов. На меня была возложена задача доказать необходимость замены старшего тренера. Я бывал все время в команде и все знал. Знал обстановку. У Тарасова были, может, и правильные, но более жесткие требования. Бобров считал, что больше инициативы надо давать игрокам... Обсуждали этот вопрос, наверное, целый час, не меньше. Тарасов пользовался большим авторитетом, и когда коллегия разбирала вопрос о замене тренера, то нужны были очень веские аргументы. Только исходя из моих заявлений о том, что Чернышев может технически, а главное морально, настроить команду лучше, чем Тарасов, а Тарасов может отвечать только за техническое состояние команды, большинство членов коллегии сошлись на том, что в создав-

шейся ситуации тренером необходимо назначить Чернышева. Чернышев принял команду, наладил взаимопонимание между игроками, у них появилось желание играть».

А теперь послушаем еще одного очевидца – Константина Андрианова, который в ту пору был заместителем председателя Спорткомитета СССР и вел ту самую коллегия: «Я хорошо знал Чернышева. Еще с тех времен, когда вместе с его женой работал на одном заводе. Знал его как очень хорошего спортивного воспитателя, который умеет ладить со спортсменами. Но мне казалось, что Чернышев – человек слишком добрый, а это может отрицательно сказаться на команде. И, предварительно обсуждая этот вопрос с Романовым, мы из двух зол выбрали наименьшее, чтобы разрядить страсти и накаленную атмосферу в команде, возникшую в результате действий Тарасова. Но окончательное решение, конечно, оставалось за коллегией. Замена старшего тренера сборной могла производиться только на заседании коллегии Спорткомитета. Это серьезнейший вопрос! Никаких других вариантов, связанных с хождениями Боброва или Тарасова по начальству, просто и быть не могло!...»

Как показало будущее, эта рокировка самым благотворным образом сказалась на игре сборной СССР на чемпионате мира в Швеции. Классическая схема Чернышева оказалась более удачной, чем новаторский хоккей Анатолия Тарасова. Но расскажем обо всем по порядку.

В те годы фаворитами мировых чемпионатов были сборные Канады, Чехословакии, США и Швеции, которые и делили между собой 1-е и 2-е места. Вот как это выглядело в зеркале статистики: 1947 год – 1-е место – ЧССР, 2-е – Швеция; 1948 год – 1-е – Канада, 2-е – ЧССР; 1949 год – 1-е – ЧССР, 2-е – Канада; 1950 год – 1-е – Канада, 2-е – США (сборная ЧССР не участвовала); 1951 год – 1-е – Канада, 2-е – Швеция (сборная ЧССР не участвовала); 1952 год – 1-е – Канада, 2-е – США; 1953 год – 1-е – Швеция, 2-е – ФРГ (сборная Канады не участвовала).

Итак, в 1954 году сборная СССР впервые приняла участие в мировом первенстве. Причем на нем присутствовали все прежние фавориты: команды ЧССР, Канады (любительский клуб «Линдхерст Моторз»), Швеции. Вопреки старинной поговорке о том, что первый блин всегда выходит комом, сборная СССР дебютировала блестяще – завоевала золотые медали. И это при том, что большинство мировых специалистов, что называется, не давали за нашу сборную и ломаного гроша. Однако наши ребята одолели чехословаков (5:2) и сгоняли вничью со шведами (1:1). Специалисты, конечно, удивились, но все равно считали, что золотые медали завоюют канадцы. Поэтому перед игрой Канада – СССР в кассах стокгольмского Дворца спорта началась продажа билетов на дополнительный матч СССР – Швеция, поскольку все были уверены в том, что канадцы победят и станут чемпионами мира, а вот судьбу европейского «золота» должен будет решить тот самый дополнительный матч.

Самое интересное, но в хорошие перспективы нашей сборной не верили и ряд советских специалистов. Среди них был и... Анатолий Тарасов, который приехал в Стокгольм в качестве представителя Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта. Во всяком случае, так об этом позже напишет в своих мемуарах «Рыцари спорта» (1972) Всеволод Бобров. Хотя многие его рассказу не доверяют, зная о том, какие у него были «непонятки» с Тарасовым. А рассказал Бобров следующее. Якобы на совете делегации Тарасов выступил с предложением: не сильно стараться в игре против канадцев, чтобы сохранить силы для встречи со шведами. Однако остальные члены совета с этим мнением не согласились. А теперь послушаем мнение А. Салуцкого: «Никаких объективных доказательств того, что Тарасов действительно сделал такое малодушное и непатриотичное предложение, не существует. Предложение капитулировать перед канадцами, «сплавить» матч из уст Анатолия Владимировича не слышал никто.

Прошло уже три десятилетия, и, хотя живы почти все участники тех событий, история, произошедшая поздним субботним вечером на пятом этаже отеля «Мальме», выглядит в

достаточной мере запутанной. Тренеры сборной Чернышев и Егоров вспоминают, что к ним пришел Мякинков, который высказал мысль о «сбережении сил» для переигровки со шведами, ссылаясь на Тарасова. Сам Мякинков этого не подтверждает и говорит, что Тарасов вовсе тут был ни при чем: к сборной команде его не допускали. Одного из непосредственных свидетелей – радиокomentатора Вадима Синявского – уже нет в живых...

Юный Анатолий Тарасов (начало 30-х)

Павел Коротков, Александр Новокрещенов, Сергей Савин и переводчик Спорткомитета Роман Киселев, которые были в Стокгольме-54, не говоря уже о членах сборной команды, тоже не могут припомнить, чтобы Тарасов говорил кому-либо из них нечто подобное. «Разговоры такие ходили, но я непосредственно от Тарасова этого не слышал», – говорит каждый из них. И вообще всю эту запутанную историю не стоило бы ворошить совсем, если бы в вышеприведенной цитате из книги Боброва Анатолию Владимировичу Тарасову не предъявлялось бы весьма серьезное, очень обидное и не обоснованное фактами обвинение.

Но зато абсолютно соответствует истине тот факт, что старший тренер Аркадий Иванович Чернышев твердо и непоколебимо верил в победу над канадцами. Чернышев наотрез отказался созывать бюро делегации для обсуждения проблемы «сбережения сил» и произнес свою ставшую крылатой фразу: «Не будите Боброва!» А наутро собрал команду в большом номере руководителя делегации Мякинкова и прочитал трехстрочную заметку из свежего номера газеты «Правда», где кратко говорилось о том, что советские хоккеисты сыграли вничью со шведами 1:1 и что им предстоит матч с командой Канады.

– Видите, какая маленькая, осторожная заметка? – спросил старший тренер игроков. – Дома в нашу победу над канадцами, видимо, бояться верить. А мы выиграем!

На том собрании Аркадий Иванович Чернышев, обычно спокойный и невозмутимый, предстал перед своими подопечными в непривычно возбужденном состоянии. Не называя ни имен, ни фамилий, он сообщил им, что необходимо «сберечь силы» в матче с канадцами, чтобы наверняка выиграть повторный матч со шведами и стать чемпионами Европы. Всеволод Бобров, а вслед за ним вся команда дружно возмутились, категорически заявив:

– Будем сражаться с канадцами только за победу!..

Матч СССР – Канада состоялся 7 марта 1954 года в присутствии 16 тысяч зрителей. Ажиотаж вокруг этой игры был сродни тому, что случится 18 лет спустя – 3 сентября 1972 года, когда в Монреале сборная СССР впервые встретится с канадскими профессионалами. В обоих случаях почти все знатоки хоккея отдавали предпочтение канадцам, и единственное, в чем сомневались, – с каким счетом будет обыграна советская команда. Но то, что это будет крупное поражение, мало кто сомневался (канадцы на том чемпионате обыгрывали своих соперников с крупным счетом: 20:1 финнов, 8:0 – шведов, 8:1 – западных немцев и швейцарцев). И что же вышло?

Уже в первом периоде советские хоккеисты забросили в ворота канадцев четыре безответные шайбы. Все мировые специалисты по хоккею были в шоке, но еще надеялись, что канадцы соберутся. Однако во втором периоде перелома в игре так и не случилось – на табло сияли цифры 7:1 в пользу сборной СССР. И только последний период канадцы выиграли, да и то с минимальным счетом – 1:0. Итог встречи – 7:2 в пользу сборной СССР. Такого позора канадцы на чемпионатах мира еще не знали. Советская сборная их с этим познакомилась, а осенью 1972 года повторит то же самое и с канадскими профессионалами, обыграв их с похожим счетом 7:3.

Итак, наша сборная под руководством Аркадия Чернышева и Владимира Егорова стала чемпионом мира и Европы. А взяла она своих соперников тем, что играла в хоккей не канадского или европейского розлива, а в свой родной, советский. Наши игроки делали слишком много передач, редко применяли силовые приемы и быстро катались на коньках. Для фаворитов турнира все это было внове, особенно для канадцев. Однако они не были бы родоначальниками хоккея, если бы не сделали выводов из этого поражения.

В феврале – марте 1955 года состоялся очередной чемпионат мира и Европы. На этот раз он проходил в ФРГ. Советскую сборную на него снова повез tandem Чернышев – Егоров, хотя чемпионом страны у нас стала команда Тарасова – ЦСК МО (вторыми были подопечные Егорова – «Крылья Советов», третьими – подопечные Чернышева, динамовцы). И снова подавляющее число игроков в нашей сборной составляли армейцы.

Наши ребята выиграли подряд семь матчей. То же самое сделали и канадцы, которых на том чемпионате представляла команда «Пентиктон Вииз». Наконец 6 марта 1955 года в Крефельде состоялся решающий матч между СССР и Канадой. И здесь канадцы взяли реванш. Как вспоминал наш вратарь Н. Пучков: «Вопреки своей манере канадцы не бросали по воротам даже со средних дистанций, а разыгрывали «до верного». Они оставляли нас без шайбы, держали ее, даже выводя в среднюю зону. И мне было очень непросто войти в игру, что называется, почувствовать шайбу. Вот почему чуть ли не первый бросок канадцев привел к голу...»

Первый период канадцы выиграли с минимальным счетом 1:0. Тогда казалось, что для нас еще не все потеряно. Но, как выяснилось, это был не наш день. Второй и третий периоды канадцы тоже выиграли, оба с одинаковым счетом – 2:0. Итог – 5:0 в пользу канадцев. Они взяли реванш за прошлогоднее поражение, уравнив не только общий счет побед (1:1), но общий итог забитых шайб (7:7).

Самое интересное, но это поражение (и 2-е место в мировой иерархии) не стало поводом к тому, чтобы произвести замену на тренерском мостике. Ведь чемпионат Европы наши ребята выиграли. Поэтому в 1956 году, несмотря на то, что ЦСК МО во главе с Тарасовым вновь стал чемпионом СССР («крылышки» снова были вторыми, а динамовцы третьими), сборную СССР продолжали возглавлять Чернышев и Егоров. Именно они повезли наших ребят на зимние Олимпийские игры в Кортина-д'Ампеццо в январе 1956 года. И снова решающим матчем на турнире была игра между сборными СССР и Канады. Причем, чтобы стать чемпионами, канадцам необходимо было победить нас с перевесом в две шайбы. Вполне рядовая для родоначальников хоккея задача. Но только не в случае с советской сборной.

Та игра 4 февраля 1956 года оказалась не менее драматичной, чем предыдущие противостояния двух этих сборных. В первом периоде была зафиксирована нулевая ничья. Но в итоге советские хоккеисты оказались сильнее. Причем, проиграв силовую борьбу (11:21 в пользу канадцев), а также по броскам (9:19), наши ребята выполнили главную установку Чернышева – быть лучшими в отборе шайбы. Кроме этого, прекрасно стоял в наших воротах Николай Пучков. Поэтому мы победили с тем самым счетом, который как воздух был необходим канадцам, – 2:0. И обе шайбы забросили воспитанники Чернышева – динамовские нападающие Юрий Крылов и Валентин Кузин.

После этого поражения любители хоккея стали с нетерпением ждать нового противостояния СССР – Канада, надеясь увидеть очередной реванш со стороны канадцев. И ближайшим таким турниром, где этот реванш мог состояться, должен был стать чемпионат мира и Европы 1957 года. Должен был, но не стал. Почему? Осенью 1956 года советские власти подавили антиправительственный мятеж в Венгрии, после чего западные страны объявили СССР бойкот. А учитывая то, что мировой турнир по хоккею должен был проходить в Москве, легко было предположить, что команды из западных стран на него не приедут. Так и вышло: к бойкоту присоединились Канада, США и ФРГ.

Отметим, что в 1957 году чемпионом СССР впервые стала команда «Крылья Советов» под водительством Владимира Егорова – второго тренера нашей национальной сборной. Однако в последней оказалось всего лишь четверо «крылышек» (как и в 1954-м), а костяк сборной составили столичные армейцы (2-е место в чемпионате СССР). Причем лучшими бомбардирами внутреннего чемпионата стали двое игроков «Крылышек» – Алексей Гурышев (32 шайбы) и Михаил Бычков (31 шайба), однако в сборную пригласили только одного – Гурышева, который играл в тройке со своим одноклубником Николаем Хлыстовым и армейцем Юрием Пантюховым (эта тройка забьет 18 шайб).

Между тем в отсутствие канадцев советские хоккеисты умудрились проиграть домашний чемпионат – заняли 2-е место, пропустив вперед себя шведов. После чего было принято решение снять Аркадия Чернышева с должности главного тренера сборной СССР. На его место пришел Анатолий Тарасов, в помощники которому назначили... все того же Владимира Егорова. Когда об этом стало известно, самым недовольным человеком в сборной был Всеволод Бобров, который Тарасова на дух не переваривал (впрочем, как и тот его самого), публично называя Троцким. В итоге, мучимый мыслями о том, как он будет играть под началом Тарасова, Бобров в итоге принял решение... повесить коньки на гвоздь. И сборная СССР осталась без своего самого лучшего игрока. Правда, было ему на тот момент уже 35 лет.

Время Тарасова: поражение

Приход Тарасова к руководству сборной совпал по времени с периодом, когда канадцы окончательно перестали воспринимать советских хоккеистов как дерзких учеников. И когда осенью 1957 года канадцы пригласили сборную Москвы (а фактически сборную СССР) в первое турне по Канаде, стало окончательно ясно, что на родине хоккея советских хоккеистов воспринимают как вполне самостоятельных и высококласных спортсменов. А когда наши ребята вышли победителями из этого турне, их рейтинг взлетел еще выше. А ведь поначалу та поездка складывалась не в нашу пользу. Первую игру (против клуба «Уитби Данлопс») мы проиграли с разгромным счетом 2:7. Вторая игра (против «Виндзорс Синьорс») закончилась вничью 5:5. В третьем матче мы снова уступили – 2:4. Однако в оставшихся пяти поединках наши ребята оказались сильнее своих визави. Итог серии – 5:2 в нашу пользу. Так в Канаде впервые узнали имя тренера Анатолия Тарасова. Вот что пишет по этому поводу В. Акопян: «В том первом канадском турне Тарасов сформировал откровенно экспериментальную команду. В нее были включены как молодые, так и опытные игроки. Сильная и выносливая молодежь во взаимодействии с умудренными и терпеливыми ветеранами должна была, по замыслу тренера, воплотить в игре высокое коллективное начало. Тарасов считал, что командные действия обязательно должны выражаться в максимальной и непрерывной занятости всех полевых игроков. В обеих основных фазах игры – атаке и обороне – должны активно участвовать все пять игроков, независимо от их игрового амплуа. «Пять в атаке, пять в обороне», – таким был главный девиз Тарасова. Особенно важно, он считал, проверить его на практике во встречах с клубами Канады. Тогда в канадском любительском (да и профессиональном) хоккее игровые амплуа спортсменов были строго разделены. Нападающие активно действовали в чужой зоне, атакуя ворота соперника страстно и порой безоглядно, зная, что в своем тылу оборонительную работу уверенно и решительно будут выполнять мощные защитники. Участие защитников в организации и тем более в развитии атаки у канадцев было эпизодическим и кратковременным. Начало атаки из своей зоны выполнял, как правило, центральный нападающий, получив шайбу от своего защитника и самостоятельно выводя ее в зону противника... По технико-тактической оснащенности, по игровым, большинству двигательных и особенно силовым навыкам канадцы были на голову выше всего остального хоккейного мира. Соперничать с ними в индивидуальном мастерстве было бесполезно. А вот противостоять их индивидуальному превосходству более активными и организованными действиями у нас были все основания и возможности. Отточенному индивидуализму канадцев наша команда готова была противопоставить активность коллективных усилий полевых игроков, склонных к полной занятости как в оборонительной, так и в наступательной фазах игры...»

Однако, с успехом проведя канадское турне, Тарасов и его сборная не смогли повторить этот успех на очередном чемпионате мира и Европы, который проходил в феврале – марте 1958 года в столице Норвегии городе Осло. Наша сборная впервые за последние годы

отправилась туда без своего бессменного капитана Всеволода Боброва, хотя большую часть игроков сборной по-прежнему составляли армейцы Москвы, которых на этот раз было 11 человек. Кроме этого, в команде было четверо «крылышек» (Е. Еркин, А. Кучевский, Н. Хлыстов, А. Гурышев) и всего один динамовец (Ю. Крылов), что однозначно указывало на то, каким образом относился к таланту игроков этого клуба Тарасов. Естественно, будь у руля сборной Чернышев, число динамовцев в ней было бы иным: например, год назад их в команде было трое, хотя результат команда показала не лучший – заняла, как мы помним, 2-е место. Однако точно такой же результат случился у нас и в 1958 году.

Друзья и враги Анатолий Тарасов и Всеволод Бобров

Сборная СССР играла тремя звеньями в нападении и двумя в защите. Выглядело это так: 1) защитники – Николай Сологубов и Иван Трегубов (оба – ЦСК МО), нападающие – Юрий Пантюхов (ЦСК МО), Алексей Гурышев («Крылья Советов») и Николай Хлыстов («Крылья Советов»); 2) защитники – Дмитрий Уколов (ЦСК МО) и Альфред Кучевский («Крылья Советов»), нападающие – Константин Локтев, Вениамин Александров и Александр Черепанов (все – ЦСК МО); 3) нападающие – Юрий Крылов («Динамо», Москва), Юрий Копылов и Владимир Елизаров (оба – ЦСК МО).

Первая же осечка случилась у нашей сборной в третьей игре – против сборной Чехословакии 4 марта. Несмотря на то, что в первом периоде советские хоккеисты вели 3:1, в дальнейшем они растеряли свое преимущество и сумели вырвать только ничью – 4:4. А вот канадцы в лице клуба «Уитби Данлопс» никаких осечек себе не позволяли и тех же чехословаков обыграли с разгромным счетом 6:0. В итоге финальная игра между сборными Канады и СССР 9 марта оказалась решающей. И по своему накалу выдалась весьма драматичной.

В первом периоде наши были лучше и выиграли 1:0. Однако во второй двадцатиминутке победа сопутствовала канадцам – 1:0. Поэтому третий период команды начали при счете 1:1. И вот здесь тренерское чутье и тактика подвели Тарасова. Вместо того, чтобы отойти назад и начать ловить разошедшихся канадцев на контратаках, он дал команду своим игрокам не сбавлять темпа и непрерывно атаковать ворота противника. В итоге канадцы дважды сумели поймать нас во время этих атак. И победили 4:2. Как будет вспоминать позднее вратарь нашей сборной Н. Пучков: «Тарасов был незаменим в тренировочном процессе. Но я никогда не мог согласиться с тем, как он вел игры. Вот и в Осло, с канадцами, когда мы очень долго были впереди, он то и дело позволял защитникам сверх меры вылезать вперед, раз за разом механически чередовал звенья, даже не пытаясь что-либо выиграть за счет иного размена. Когда на исходе второго периода при счете 1:0 в нашу пользу последовало удаление Хлыстова, первое, кстати, у нас в этом матче, самые опытные наши ребята – Ваня Трегубов, Коля Сологубов – бросились к Тарасову: «Анатолий Владимирович, поставьте сейчас лучших!» А он: «Идите работать, я все знаю!» А сам, как нарочно, выпустил третью тройку (в ней играли динамовец Крылов и два армейца Копылов и Елизаров. – Ф. Р.), и канадцы тут же забросили ответную шайбу. И когда счет сравнялся, что, правда, нас не устраивало,

Тарасов продолжал кавалерийские наскоки, чем в конце концов блестяще воспользовались канадцы...»

Второе место сборной СССР на том чемпионате не стало поводом к тому, чтобы снова менять тренера – Тарасов остался у руля, как и Егоров. Тем более, что в чемпионате СССР сохранялась та же конфигурация ведущих команд: 1-е место – ЦСК МО, 2-е – «Динамо» (Москва), 3-е – «Крылья Советов» (Москва). Поэтому на чемпионат мира и Европы 1959 года в Чехословакии нашу сборную повез tandem Тарасов – Егоров. Причем на этот раз команда была значительно обновлена – в ней появились шестеро новых игроков: Юрий Баулин, Игорь Деконский (оба – ЦСК МО), Евгений Грошев, Виктор Пряжников (оба – «Крылья Советов»), Виктор Якушев, Николай Снетков (оба – «Локомотив», Москва). Среди ветеранов значились: восемь армейцев – Николай Пучков, Николай Сологубов, Иван Трегубов, Генрих Сидоренков, Дмитрий Уколов, Вениамин Александров, Константин Локтев, Юрий Пантюхов, двое «крылышек» – Евгений Еркин, Алексей Гурышев, один динамовец – Юрий Крылов.

На этот раз принципиальный матч СССР – Канада (клуб «Бельвиль Макфарлэндз») организаторы турнира приберегли не на последний день, а на шестой – это была пятая игра чемпионата. Однако именно она и решила судьбу золотых медалей мирового чемпионата. Причем опять канадцы оказались хитрее наших – поймали их на контратаках. И случилось это уже в первом периоде, когда канадцы в течение трех минут забили две шайбы. После чего всей командой откатились к своим воротам, доказав всем, что они умеют не только нападать, но и обороняться. Итог встречи – 3:1 в пользу «Бельвиля». Он же стал и чемпионом мира, набрав столько же очков, сколько и сборная СССР, – 8, но у канадцев была лучше разница забитых и пропущенных шайб.

Несмотря на то, что при Тарасове сборная СССР вот уже второй год подряд завоевала на чемпионатах мира серебро, это не стало поводом к отставке тренера (хотя в случае с Чернышевым это было именно так). Поэтому к зимней Олимпиаде в Скво-Вэлли (США) нашу национальную сборную снова готовил Тарасов, а также все тот же Владимир Егоров, который в 1960 году отпраздновал свой 7-й сезон в качестве второго тренера (кстати, его «Крылышки» в том году заняли 2-е место в чемпионате СССР).

Как мы помним, во время предыдущей Олимпиады, в Кортина-д'Ампеццо, главным тренером сборной СССР был Аркадий Чернышев. Те Игры были за нами – мы взяли золото. Естественно, что Тарасов мечтал повторить этот успех. Ведь он уже третий год был у руля сборной, но за это время ни разу не сумел завоевать золото (у Чернышева оно было: и мировое (1954), и олимпийское (1956)).

Тарасов и Егоров сформировали олимпийскую сборную в основном из игроков своих клубов – ЦСК МО и «Крылья Советов», которые успешно выступали в первенстве СССР сезона 1959/1960 (армейцы в итоге возьмут золото, а «Крыльям» достанется бронза). Отметим, что серебро выиграют московские динамовцы, но их в сборной будет представлять всего лишь один хоккеист – нападающий Станислав Петухов. Совсем не были представлены в той олимпийской команде московские спартаковцы, хотя у них уже начало блистать звено Евгений Майоров – Вячеслав Старшинов – Борис Майоров. Эти хоккеисты не попали в сборную из-за своеволия Тарасова. Перед Олимпиадой он предложил им перейти к нему в ЦСК МО, но они дружно отказались. И в сборную не попали.

Между тем в итоге получилось, что в составе сборной СССР, отправившейся в Скво-Вэлли, оказалось восемь «крылышек» (вратарь Евгений Еркин, защитники Альфред Кучевский, Николай Карпов, нападающие Юрий Цидинов, Владимир Гребенников, Евгений Грошев, Михаил Бычков, Виктор Пряжников), семеро армейцев (вратарь Николай Пучков, защитники Генрих Сидоренков, Юрий Баулин, Николай Сологубов, нападающие Вениа-

мин Александров, Александр Альметов, Константин Локтев). Нападающий Виктор Якушев представлял московский «Локомотив».

Однако фортуна и в этот раз отвернулась от Тарасова. Хотя поначалу все складывалось как нельзя лучше и мы выиграли три матча подряд: у ФРГ (8:0), Финляндии (8:4) и ЧССР (8:5). Однако уже эти игры выявили наше слабое звено – это был вратарь Николай Пучков, который слишком много пропускал шайб (девять в трех играх). И связано это было не с утратой им мастерства, а со старой травмой – у него было повреждение мышцы бедра. Поэтому в воротах он стоял неуверенно. А заменить его было нечем – запасной голкипер, Евгений Еркин, по таланту был намного ниже его. То же самое можно было сказать и о других наших вратарях, защищавших ворота ведущих советских клубов: Юрии Овчукове из ЦСК МО, Борисе Зайцеве и Владимире Чинове из «Динамо». Здесь Тарасов допустил промах: слишком надеялся на Пучкова, вместо того чтобы заранее начать подготавливать ему достойную смену.

Но вернемся к Олимпиаде-60.

В четвертой игре со шведами мы сыграли вничью 2:2, а две последние игры и вовсе проиграли: с США 2:3, с канадцами 5:8. Как итог, наша сборная, пропустив вперед сборные США и Канады, заняла 3-е место. Явный провал со стороны бывших олимпийцев. В результате судьба Тарасова как старшего тренера национальной сборной была решена – его отправили в отставку. Многие считали, что поделом. Послушаем Н. Пучкова: «Тот факт, что сборная под руководством Тарасова не выиграла ни одного чемпионата мира, ни в коем случае не может рассматриваться только как результат неудачно подобранного состава или отдельных тактических просчетов. Причина гораздо глубже. Все дело в том, что к этому времени фактически исчерпала себя тарасовская идея превосходства в физической подготовке, которая прежде исправно приносила свои плоды. Анатолий Владимирович давно убедился в том, что наших людей можно гонять как сидоровых коз. Хотите выигрывать, говорил он, значит, работайте как никто. И без конца повторял знаменитую пугачевскую фразу, что лучше год питаться свежей кровью, чем триста лет мертвечиной. Он, правда, не говорил, чем все это закончится. Не говорил, что к тридцати годам он одного за другим выбросит этих выжатых как лимон и уже бывших звезд, что им это будет стоить абсолютного ограничения в жизни, где их не будет уже интересовать буквально ничего, кроме водки, – ни работа, ни женщины, ни-че-го... Не говорил, потому что, скорее всего, не знал этого сам. Тарасов брал лучших, брал талантливых от Бога восемнадцати-девятнадцатилетних мастеров на уровне второй сборной и бешено гонял их по четыре раза в день, считая, что все равно мы своей физической подготовкой задавим любого соперника. Через эту работу пропускались многие, однако выдерживали единицы. А те, кто выдерживал, действительно поначалу имели неоспоримое преимущество, по крайней мере в Европе. И тут Тарасову надо отдать должное. Он наращивал не просто физическую силу игроков, а специальные качества, необходимые в хоккее, и применяемые им средства отличались поэтому ото всех... Но наши противники учились у нас. Чехословацкие мастера, шведы, да и канадцы с интересом посещали наши тренировки, внимательно фиксировали каждое упражнение, и наше физическое превосходство к сезону 1959/1960 было практически сведено к нулю. Этот компонент оказался тогда у нас только равным с канадцами. Но у нас было слишком много паса, а они оказались более экономичны и за счет этого побеждали нас. Обо всем этом я говорил Тарасову еще в Скво-Вэлли, а он сделал вывод, решив почему-то, что я канадцев просто-напросто боюсь. Концепция Тарасова не могла победить, потому что канадцев ни в коем случае нельзя «топтать». Они всегда проходят очень большую физическую школу, и тогда, в 1960-м, они ни в коем случае не уступали нам в скоростной подготовке, а если и уступали в ловкости, то были значительно сильнее в техническом оснащении...»

А вот еще одно мнение очевидца тех событий – игрока олимпийской сборной образца 1960 года Николая Карпова: «Почему мы проиграли? Во-первых, полностью обновилась линия нападения, и мастеров класса Боброва у нас тогда не было. Во-вторых, многие из нас впервые попали за океан, и нешуточный ажиотаж, который царил в те дни в США, сыграл с нами злую шутку. В-третьих, меньшие по размеру североамериканские площадки тоже создавали дополнительные трудности. Все мы были выходцами из русского хоккея: нам нужно было хорошенько раскатиться, проявить маневренность. А там, едва набрав скорость, мы чуть ли не врезались в борта...»

Возвращение Чернышева: провал

После провала на Олимпиаде-60 судьба Тарасова была фактически решена – его сняли с поста старшего тренера сборной, причем, как и Владимира Егорова. Однако осенью 1960 года, буквально накануне начала нового хоккейного сезона Тарасов лишился и поста старшего тренера ЦСКА. О перипетиях этого снятия написала «Комсомольская правда» в номере за 10 января 1961 года. Речь идет о статье члена СТК Федерации хоккея СССР Ю. Арутюняна под названием «Тренер ушел из команды...». В ней сообщалось следующее: «...Несколько лет расстраивались отношения в коллективе (ЦСКА. – Ф. Р.), точнее, связи между тренером Анатолием Тарасовым и хоккеистами. И вот к чему это привело: игра команды поблекла, разладилась, а тренер вынужден был уйти.

Имя Анатолия Тарасова многое говорит любителям хоккея. Он заслуженно считается знатоком этого вида спорта. И просчеты тренера в тактике игры или в тренерских планах команды сыграли роковую роль. Потерянные очки можно в конце концов отыграть, а недостатки в технике хоккея устранить. Но вот восстановить контакт с игроками не так-то просто.

И дело не в том, что кое-кому из хоккеистов пришлось не по душе требовательность тренера. Спортсмен, если, конечно, он любит и уважает свой коллектив, не обидится на хорошую строгость. Но ведь, чего греха таить, тренер армейцев вольно или невольно стал диктатором, а не чутким и отзывчивым воспитателем в команде. Чего стоит одно его «темпераментное» поведение во время матчей! Резкие, подчас грубые слова так и сыпались на хоккеистов... Игроки просто-напросто боялись тренера. Боязнь эта постепенно вытеснила чувство уважения к тренеру...

Братья Юрий и Анатолий Тарасовы. Юрий погибнет в авиакатастрофе в 1950 году вместе с командой ВВС

Надо сказать, в ЦСКА все – от начальника клуба тов. Новгородова до тренеров и инспекторов – давно знали о ненормальном положении в хоккейной команде. Знали, но делали вид, что ничего не замечают. Подумаешь, мол, крутой нрав тренера! Команда все

равно почти бессменный чемпион страны. И лишь в нынешнем сезоне, после потери шести очень важных очков, в ЦСКА решили поставить точки над *i*.

Однако, если все дело ведут только к тому, чтобы найти другого тренера, команда вряд ли снова заблистает. Важно, чтобы не повторить прежние ошибки, в которых, кстати сказать, не в меньшей, а, быть может, в большей мере повинны и те, кто вовремя не помог Анатолию Тарасову найти верный тон.

Хочется верить, что армейские хоккеисты будут по-прежнему в авангарде нашего хоккея, а Тарасов извлечет верный вывод из этих пусть резких, но справедливых слов».

Новым тренером ЦСКА стал Александр Виноградов, который был одногодком Тарасова – оба родились в 1918 году. Виноградов начал играть в футбол и хоккей с мячом в амплуа защитника в Москве в 1934 году в типографии «Московский рабочий». В 1937 году перешел в ЦДКА, в котором играл ровно десять лет (стал чемпионом СССР в 1946 и 1947 годах). Потом его командой стал ВВС, а в 1954–1955 годах он играл в ЦДСА (хоккей с шайбой). Так что с Тарасовым они были знакомы давно.

В помощники себе Виноградов взял Бориса Кулагина, который с 1960 года был начальником хоккейной школы ЦСКА. Поскольку Кулагин впоследствии станет очень знаменитым тренером, о нем стоит рассказать более подробно.

Кулагин родился в 1924 году в Оренбурге, однако уже шесть лет спустя его семья переехала в Москву. В двенадцатилетнем возрасте он стал играть в русский хоккей (с мячом) в секции «Юный динамовец». Причем одновременно с ним в эту же секцию записался еще один юноша – тринадцатилетний Юрий Тарасов, младший брат Анатолия Тарасова. По словам Б. Кулагина: «Нас и поставили сразу вместе во вторую команду мальчишков: меня центральным нападающим, Юрия – левым полусредним. И вот таким дуэтом мы дошли до молодежной команды «Динамо». Анатолий Тарасов, брат Юрия, был старше нас на шесть лет и выступал в то время во второй команде. Он благосклонно опекал нас, помогал, учил, но все с такой страстью, с такой жестокой требовательностью, что замечаний его, разборов нашей игры мы всегда ждали с трепетом...»

В 1946 году Борис и Юрий перешли в команду ВВС. Однако в январе 1950 года Юрий Тарасов трагически погиб, разбившись вместе с командой в авиакатастрофе (команда летела на календарную игру в Челябинск). Кулагина от гибели спасло только то, что он к тому времени уже успел перейти из ВВС во вновь созданную команду МВО, откуда он затем ушел в ЦДСА. Но в 1951 году получил очень тяжелую травму колена, из-за которой ему пришлось завершить игровую карьеру. И с этого момента Кулагин перешел на тренерскую работу – уехал в родной Оренбург, где стал инструктором по спортивным играм при тамошнем Окружном доме офицеров. В этой должности он познакомился с самим... Юрием Гагариным. Правда, тот тогда еще не был знаменит. По словам Б. Кулагина: «Однажды я судил баскетбольный матч, где играла команда Оренбургского авиационного училища. Ее капитан выделялся на площадке. Он был невысокого роста, но быстр, ловок, техничен и много очков набирал бросками издалека. Правда, его азарт перехлестывал через край, каждый судейский свисток сопровождал он возгласом недовольства и пытался оспаривать каждое мое решение. Наконец терпение мое лопнуло, и я удалил его с площадки. Потом мы часто встречались с маленьким баскетбольным капитаном. Это был Юрий Гагарин...»

После Оренбурга Кулагина пригласили в Куйбышев тренировать хоккейную команду СКА, которую он в 1960 году вывел в класс «А». Этот успех обратил на него внимание руководителей ЦСКА, которые вернули его в Москву, сделав сначала начальником спортивной школы, а затем и вторым тренером при Александре Виноградове, который занял пост старшего тренера вместо Тарасова.

Между тем старшим тренером сборной СССР снова был назначен наставник динамовцев Аркадий Чернышев, хотя его команда в 1960 году финишировала в чемпионате СССР

всего лишь третьей, а год спустя и вовсе седьмой. В помощь ему были направлены еще два тренера: Анатолий Кострюков (до 1960 года он тренировал столичный «Локомотив», а затем стал ответственным секретарем Федерации хоккея СССР) и Александр Виноградов (новый тренер ЦСКА). Это тренерское трио провело кардинальную реорганизацию национальной сборной – в нее вошли сразу десять дебютантов (единственный подобный случай за всю историю советского хоккея). Так, именно тогда в сборной появились столичные спартаковцы (хотя в сезоне-61 они заняли 6-е место) – их было трое: Борис и Евгений Майоровы и Вячеслав Старшинов. Появились два новых вратаря: Владимир Чинов («Динамо», Москва) и Виктор Коноваленко («Торпедо», Горький). Трое новых защитников, причем все из ЦСКА: Иван Трегубов, Александр Рагулин и Владимир Брежнев. И, наконец, двое новых нападающих: Виктор Цыплаков («Локомотив», Москва) и Владимир Юрзинов («Динамо», Москва). Из ветеранов в команде остались: пятеро армейцев – Генрих Сидоренков, Николай Сологубов, Константин Локтев, Вениамин Александров, Александр Альметов – и один локомотивец – Виктор Якушев. В таком составе наша сборная и отправилась на чемпионат мира и Европы в Швейцарии, который проходил в начале марта 1961 года.

Советская команда играла в три привычных звена, причем защитников было всего две пары, но они успевали играть во всех звеньях. Звенья выглядели следующим образом: 1) защитники – Николай Сологубов и Иван Трегубов, нападающие – Константин Локтев, Александр Альметов и Вениамин Александров (все – ЦСКА); 2) защитники – Александр Рагулин и Генрих Сидоренков (оба – ЦСКА), нападающие – Николай Снетков, Виктор Якушев и Виктор Цыплаков (все – «Локомотив», Москва); 3) нападающие – Евгений Майоров – Вячеслав Старшинов и Борис Майоров (все – «Спартак»).

Начало турнира складывалось в нашу пользу – сборная СССР выиграла три первые игры: у США (13:2), Швеции (6:2), Финляндии (7:3). В воротах у нас стоял Чинов, который пропустил всего пять шайб. Но потом нам досталась сборная Чехословакии, которую наши ребята обыграть не сумели – 4:6. А сборной Канады мы и вовсе уступили со счетом 1:5. Чинов и здесь сыграл ненадежно, пропустив за два первых периода три шайбы (0:3). В итоге золотые медали мирового первенства (в 19-й раз) достались команде Канады (клуб «Трейл Смоук Итерс»), чемпионами Европы стали чехословаки, а наша сборная заняла 3-е место. Еще больший провал, чем при Тарасове.

Чернышев и Тарасов: начало триумфа

После этого фиаско перед советскими спортивными руководителями встала непростая дилемма – что делать с тренерами сборной: оставить или заменить новыми? Однако, где было взять новых, никто не знал. Для этого не годились ни Александр Новокрещенов, приведший к золотым медалям чемпионата СССР в 1962 году столичных спартаковцев, ни наставник «Локомотива» Анатолий Кострюков (4-е место в 1962 году), ни другие тренеры. Тогда было принято универсальное решение: объединить на тренерском мостике двух лучших наставников страны – Чернышева (главный тренер и стратег) и Тарасова (он должен был отвечать за подбор и подготовку игроков), который ранней весной 1962 года (в самом конце сезона) был восстановлен в должности старшего тренера ЦСКА. Отметим, что к тому времени в ЦСКА успело смениться сразу два тренера: Александр Виноградов и Евгений Бабич. Причем при первом армейцы весьма неплохо выступали, выигрывая все турниры, в которых участвовали. Но проблема была в другом – в дисциплине. В итоге грянул скандал. С одного из турниров (в Польше) армейцы вернулись... вдребезг пьяными и даже не смогли сойти на перрон Белорусского вокзала, где их ждали толпы поклонников и журналисты. Именно после этого случая Виноградов лишился своего поста и вместо него команду принял Бабич. Но это было временное назначение, поскольку и при нем с дисциплиной в ЦСКА дела обстояли не лучшим образом. Да и игра армейцев трещала по швам. Например, столичному «Динамо» они проиграли с разгромным счетом 5:14! Такого еще не бывало. Именно тогда в Минобороны и было решено вернуть в команду Тарасова, которого за глаза называли Сталиным за его жесткий нрав.

С возвращением Тарасова череда поражений ЦСКА закончилась и началась полоса сплошных побед – армейцы выиграли подряд 17 матчей. После чего у Тарасова наконец дошли руки до бунтарей – тех хоккеистов, кто когда-то требовал его отставки. Все они были уволены из команды. Это были: Генрих Сидоренков, Владимир Васильев, Иван Трегубов, Виктор Глаголев и Владимир Киселев.

Самым именитым среди них был Трегубов. Причем он сам дал повод тренеру для своего увольнения. ЦСКА тогда играл в Омске, выиграл игру, и Трегубов решил отметить это дело в ресторане. Однако, едва он успел опрокинуть в себя первую рюмку любимого им напитка – коньяка, как перед ним вырос Тарасов. Тут же, в ресторане, он устроил хоккеисту публичный разнос и объявил, что тот уволен из команды. Когда ЦСКА вернулся в Москву, Тарасов поставил об этом в известность Федерацию хоккея СССР. А там смельчаков спорить с ним уже не нашлось. В итоге Трегубова на год отлучили от хоккея. И так поступили с игроком, который несколько месяцев назад на чемпионате мира был назван в тройке лучших игроков этого престижного международного турнира.

Трегубова выставляли из команды откровенно по-хамски. С него, столько лет приносившего славу как своему клубу, так и сборной (на чемпионатах мира его дважды называли лучшим защитником), стали требовать вернуть все, до нитки. Даже трусы с майкой. Но

последняя на момент выдачи оказалась Трегубову мала, и он подарил ее знакомому офицеру. Трегубов предлагал оплатить потерю, но ему твердили: «Нам твои деньги не нужны! Верни майку!» Замену той майке Трегубов все-таки нашел, но унижение, которое он испытал, на долгие годы осталось занозой в сердце.

Между тем эта поспешная чистка тут же сказалась на игре ЦСКА – ослабленная команда стала проигрывать. В результате в сезоне 1961/1962 ЦСКА занял всего лишь 3-е место, пропустив вперед себя «Спартак» (это было его первое чемпионство) и «Динамо». Это был худший показатель армейцев за последние 10 лет. И привел к нему команду именно Тарасов, у которого чесались руки провести рокировки внутри клуба на самом излете сезона. Если бы не эта чистка, глядишь, не упустил бы ЦСКА чемпионство. Ведь отрыв по очкам у трех клубов был минимальный: спартаковцы финишировали с 65 очками, динамовцы набрали на одно очко меньше, а ЦСКА на два.

Кстати, та чистка способствовала приходу в ЦСКА нескольких талантливых игроков – например, Евгения Мишакова из московского «Локомотива» (сначала он попадет в команду СКА МВО, а спустя год его возьмут в ЦСКА, откуда он в конце 60-х попадет и в первую сборную страны). О том, как это случилось, вспоминает тогдашний тренер «Локомотива» А. Кострюков: «Московский «Локомотив» вполне мог бы стать как минимум второй или третьей командой страны. Нам это было по силам. Мы имели прекрасное первое звено Валентин Козин – Виктор Якушев – Виктор Цыплаков. Я, естественно, понимал, что для решения максимальных задач нужна была вторая тройка, которая, как говорится, могла бы вести игру. И мы в этом направлении серьезно работали. Но, извините, нас грабили.

Еще в «Локомотиве» Евгений Мишаков рассматривался как кандидат в сборную. И у него была отсрочка от армии. Приходит он однажды ко мне и говорит – Анатолий Михайлович, мне повестка пришла из военкомата. Я, как нормальный человек, знающий, что с ним все в порядке, говорю – иди, Женя. Увы, больше в «Локомотиве» его не видели. Он позвонил мне прямо из военкомата и спросил – что делать, в армию забирают. Ну чем я ему мог помочь? Потом поступили в Спорткомитет СССР все необходимые документы, и Мишакову, как военнотружашему, разрешили играть в ЦСКА. Спрашиваю чуть позднее Анатолия Тарасова – как же могло так случиться. А он как ни в чем не бывало, с честными глазами отвечает с выражением – Толя, я ничего не знал. Артист был великий, врал без всякого стеснения. На его стороне сила была и власть. Делал все, что хотел...»

Чернышев и Тарасов на тренировке

Заметим, что иной раз ЦСКА все же был бессилен и не имел возможности забрать себе талантливых хоккеистов по причине их... хитрости. Так, например, случилось с игроком того же «Локомотива» Виктором Цыплаковым. Он играл в ведущем звене, и если бы его «захомутали», то железнодорожники лишились бы ударной тройки. Но Виктор поступил хитро: по совету своего напарника по звену Валентина Козина перевелся из Института народного хозяйства имени Плеханова в МИИТ, где была военная кафедра. Узнав об этом, Тарасов кусал себе локти, но нашел-таки возможность отомстить – под знамена сборной

Цыплакова не призывал. Талантливый игрок попал туда лишь однажды, в 1961 году, когда команду тренировал не Тарасов, а Чернышев, взявший к себе в помощники тренера «Локо» Кострюкова. Потом в сборную вернулся Тарасов, и Цыплакова в нее больше не приглашали, хотя в 1965 году он станет лучшим бомбардиром чемпионата СССР (забьет 28 голов).

Но вернемся на некоторое время назад – в год 1962-й.

Скверный результат, показанный ЦСКА в чемпионате СССР, не закрыл Тарасову дорогу в сборную – именно тогда он туда и вернулся. Как показало будущее, это было весьма удачное решение, поскольку в сборной Чернышев и Тарасов исповедовали две разные манеры игры: один – от обороны, другой – от нападения. Рассказывает А. Салуцкий: «Как тренер Аркадий Иванович Чернышев всегда славился тем, что придавал большое значение защитным функциям. Эту тактику нельзя назвать оборонительной, поскольку Чернышев огромное внимание уделял и нападению. Однако принципиальное отличие его тренерской концепции от идеи Тарасова состояло в том, что Аркадий Иванович не позволял защитникам чрезмерно активно подключаться к атаке и требовал от них всегда встречать противника на синей линии, чтобы не допустить его неожиданных прорывов. Зато крайние нападающие, наоборот, получали возможность все время находиться на острие атаки, редко возвращаясь в свою зону. Достоинно восхищения то, что, несмотря на огромные перемены, произошедшие в мировом и советском хоккее с шайбой за минувшие три десятилетия, тактика игры московского «Динамо» явственно сохранила тенденции, заложенные Чернышевым. Это служит еще одним примером, иллюстрирующим творческое разнообразие советской школы хоккея, которая отвергает унификацию игрового почерка ведущих команд, как это происходит, например, в Канаде, где повсюду доминирует принцип силового давления и вбрасывания шайбы в зону противника.

Но в тренерских концепциях Чернышева и Тарасова было еще одно коренное различие – уже не тактическое, а, скорее, педагогическое. Анатолий Владимирович, как уже говорилось, являлся приверженцем «колхозного хоккея», требовал от игроков равного самопожертвования. Чернышев – принципиальный противник такого подхода. Ему принадлежат такие слова: «Я не помню случая, чтобы Бобров поймал шайбу на себя. Меня в то время это устраивало. Тарасов, чтобы компенсировать другие хоккейные качества, сам ложился под шайбу и требовал этого от других. Но если бы Всеволод лег под шайбу... Для меня Бобров был дороже. В него попадет шайба – он выбудет из игры, а это для команды большая потеря. Это заставляло меня не требовать от Боброва таких действий. Позже я и Александра Мальцева никогда не выпускал на поле, если команда играла в меньшинстве, вчетвером против пятирх. Мальцев не для этого создан. Он умница, его надо использовать, когда у противника четыре человека. Зачем же таких хоккейных «генералов», как Бобров или Мальцев, пускать в пехотную атаку?..»

Об оборонительной тактике «Динамо» 60-х годов защитник этого клуба В. Давыдов рассказывал следующее: «В те годы «Динамо» пользовалось в защите так называемым «частоколом». Четыре игрока располагались на своей синей линии, а пятый впереди старался пристроиться к сопернику с шайбой, замедляя чужую атаку. Это был пассивный метод обороны, так как инициатива без борьбы отдавалась соперникам...»

Соединив два направления – чернышевское и тарасовское, можно было получить весьма достойный результат. Так, собственно, и выйдет. Однако не сразу. Почему? Дело в том, что тандем Чернышев – Тарасов должен был дебютировать на чемпионате мира и Европы в Колорадо-Спрингс (США) в марте 1962 года. Но сборная СССР туда не поехала по политическим мотивам. В те дни произошел Берлинский кризис, после которого американские власти отказались выдать въездные визы сборной ГДР. В знак протеста отказались приезжать на чемпионат сборные других социалистических стран – СССР и ЧССР. Чемпи-

онами мира в итоге стали шведы. Тем самые, с которыми наши ребята сыграли две товарищеские игры за месяц до чемпионата и обе выиграли (4:0 и 4:3).

Отметим, что сборная Швеции комплектовалась несколько иначе, чем сборная СССР, где костяк игроков (берем для примера сборную образца 1961 года) составляли хоккеисты из четырех ведущих клубов Москвы: ЦСКА (8 игроков), «Спартак» (3 игрока), «Локомотива» (3 игрока) и «Динамо» (2 игрока). У шведов, которых тренировали Арне Стремберг и Пер Бергстрем, «золотая» сборная была укомплектована игроками из семи команд, причем костяк ее составляли вовсе не чемпионы страны из стокгольмского «Юргордена», который побеждал в период 1958–1963 годов. Из этой команды в сборной Швеции был всего лишь один игрок – защитник Роланд Стольтц. Остальные игроки представляли следующие клубы: «Шеллефтео» (Шеллефтео) – 3 игрока (вратарь Л. Хеггрут, нападающие А. Андерссон, Э. Метя), «Вестра Фрелунда» (Гетеборг) – 2 игрока (нападающие Р. Петтерсон, Л. Э. Лундвалль), «Форсхага ИФ» – 2 игрока (нападающие Н. Нильссон, У. Стернер), «Седертелье» (Седертелье) – 1 игрок (вратарь Челль Свенссон, который в 70-е годы станет тренером сборной), «Евле ГИК» (Евле) – 1 игрок (защитник Г. Блуме), «Вифста эстранус» – 1 игрок (защитник Б. У. Нурдландер), «Модо АИК» (Эрншельдсвик) – 1 игрок (защитник Н. Юханссон). Итого получилось 8 клубов.

Но вернемся к сборной СССР.

Дебют Чернышева и Тарасова состоялся спустя год – в марте 1963 года на чемпионате мира и Европы в Швеции. С этого момента начнется «золотая эпоха» советской сборной по хоккею на мировых турнирах, которая продлится целых девять лет.

На чемпионат в Швеции советские тренеры взяли 17 игроков. И снова большинство из них (правда, не такое подавляющее, как раньше) были из ЦСКА – 6 человек: Эдуард Иванов, Александр Рагулин, Виктор Кузькин, Николай Сологубов, Александр Альметов, Вениамин Александров. Далее шли динамовцы – пять человек: Борис Зайцев (вратарь), Виталий Давыдов, Владимир Юрзинов, Станислав Петухов, Юрий Волков, потом спартаковцы – три человека: Борис и Евгений Майоровы, Вячеслав Старшинов. По одному человеку были представлены: «Торпедо» (Горький) – Виктор Коноваленко (вратарь), «Локомотив» (Москва) – Виктор Якушев, «Кристалл» (Электросталь) – Юрий Парамошкин (один из лучших бомбардиров первенства СССР-1963, забивший 25 голов).

Наша команда играла двумя парами защитников и тремя звеньями нападения: 1) защитники Александр Рагулин и Эдуард Иванов, нападающие – Виктор Якушев, Александр Альметов и Вениамин Александров; 2) защитники – Виктор Кузькин и Виталий Давыдов, нападающие – Евгений Майоров, Вячеслав Старшинов и Борис Майоров; 3) нападающие – Станислав Петухов, Владимир Юрзинов и Юрий Волков.

Отметим, что именно с чемпионата мира и Европы 1963 года началась регулярная теле трансляция этих турниров на Советский Союз (до этого велись радиорепортажи – с 1954 года). А решилась судьба золотых медалей турнира в самый последний день 17 марта, когда сборная СССР встречалась с командой Канады (клуб «Голт Террьерз»), а шведы играли с чехословаками. К тому моменту у наших было 10 очков, у шведов на два больше. Сыграй последние свой матч вничью, и они становились чемпионами. Однако выиграла сборная ЧССР с минимальным перевесом 3:2.

Заметим, что сборная Швеции привезла на чемпионат практически тот же состав, что стал «золотым» на прошлогоднем турнире. Новичков было трое: нападающие Карл Еран Эберг, Ханс Мильд и Пер Улоф Нильссон. И снова игроков из клуба-чемпиона – стокгольмского «Юргордена» – было немного – всего двое: Рональд Стольтц и Карл Еран Эберг.

У чехословаков была иная история. Там лучшим клубом страны в те годы был ЗКЛ (Завод куличковых ложечек) из Брно (до 1962 года он представлял МВД и назывался «Руда гвезда» – «Красная звезда»), который становился чемпионом последние несколько лет

(1955–1958, 1960–1963). Этот клуб в сборной ЧССР образца 1963 года представляли пять игроков: защитник Рудольф Потч, нападающие Ярослав Иржик, Франтишек Ванек, Йозеф Черны и Властимил Бубник. Помимо ЗКЛ в чехословацкой сборной были представлены еще шесть клубов: «Слован» (Братислава) – 3 игрока: вратарь Владимир Дзурилла, защитник Франтишек Грегор, нападающий Ян Старши (в 70-х он станет одним из тренеров сборной ЧССР); ВЖКГ (Витковицкий металлургический комбинат в Остраве) – 3 игрока: вратарь Йозеф Миколаш, защитник Ян Каспер, нападающий Мирослав Влах; «Шкода» (Пльзень) – 1 игрок: защитник Станислав Свентек; «Тесла» (Пардубице) – 1 игрок: нападающий Иржи Долана; «Спарта» (Прага) – 1 игрок: нападающий Людек Букач. Тренировали сборную ЧССР Иржи Антон и Владимир Костка.

Итак, советская сборная встречалась с канадской и наших ребят устраивала только победа. О том, как проходила эта игра, рассказывает журналист С. Вайханский: «Меньше минуты оставалось до конца заключительного матча, а счет был 4:0 в нашу пользу. Однако канадцы не были бы канадцами, если б все так и закончилось. За 43 секунды до финальной сирены они «размочили» счет. За 18 секунд до конца последовало удаление в нашей команде. Судорожно пытавшийся любой ценой остановить игру Эдуард Иванов, распластавшись на «пятак», подгрел под себя шайбу рукой. А еще через 7 секунд был удален Старшинов. Оставшиеся 11 секунд наши вынуждены были теперь обороняться втроем против шести канадцев, снявших вратаря, и эти мгновения казались всем нам, прильнувшим к телевизионным экранам, вечностью. А если учесть, что еще предстояло пережить, то так оно и было! За три секунды до конца канадцы все же дожали нашу оборону, и счет стал критическим – 4:2. Отчаяние не успело завладеть свидетелями этой драмы только потому, что сработала сирена. Так сборная СССР через семь лет после победы в Кортина-д'Ампеццо вновь стала чемпионом мира...»

Чернышев и Тарасов комплектовали сборную по клубному звеньевому принципу. В ней было армейское звено нападения (Альметов – Александров, с которыми одно время играл локомотивец Виктор Якушев, но с декабря 1963 года его заменил армеец Константин Локтев), спартаковское (Б. Майоров – Старшинов – Е. Майоров), динамовское (Петухов – Юрзинов – Волков). Однако игрой последнего Тарасов был недоволен, хотя оно забивало наравне со всеми: например, на мировом турнире в 1963 году все три тройки нападения забили по 14 шайб. Вполне был удовлетворен игрой своих подопечных и Чернышев. Но Тарасов все же настоял на том, чтобы разбавить это звено армейцем, на роль которого был выбран новичок сборной Анатолий Фирсов. Получилось звено Волков – Юрзинов – Фирсов. Оно должно было отправиться на зимние Олимпийские игры в Инсбруке в феврале 1964 года, а обкатку прошло за две недели до этого – 15 января во время товарищеского матча в Москве СССР – Канада. Дебют оказался более чем успешным: наши победили 8:1, причем половину шайб советской сборной забили хоккеисты нового звена: Юрзинов (две) и Фирсов (две). Однако сыграть вместе на Олимпиаде этому звену было не суждено. Почему? Буквально за несколько дней до отъезда нашей сборной в Инсбрук Юрзинов лег в больницу с острым аппендицитом. В итоге вместо него в звено был введен Виктор Якушев. Но, самое интересное, это звено и в таком виде «выстрелило» лучше всех – забило 21 шайбу (Якушев – 9, Волков и Фирсов – по 6), в то время как две другие тройки нападения (Локтев – Альметов – Александров и Б. Майоров – Старшинов – Е. Майоров) забили по 18 шайб.

Среди наших защитников лучшим стал армеец Эдуард Иванов, который в восьми матчах олимпийского турнира забил 6 шайб (столько же, сколько забили все остальные наши защитники, вместе взятые). Вот почему на Директорате Игр Тарасов требовал назвать своего подопечного лучшим игроком турнира, однако таковым был назван игрок чехословацкой сборной Франтишек Тикал. Однако Иванов все равно свою награду получил: наши тренеры отдали ему приз, врученный Борису Майорову, которого называли лучшим нападающим тур-

нира. Кстати, его выиграла сборная СССР, тем самым взяв реванш за поражение четырех-годовой давности.

Именно после этого триумфа наставники советской сборной убедили спортивные власти, что их команде по силам сражаться не только с любителями, но и с профессионалами из Канады. И во время торжественного приема в Кремле, где чествовали наших олимпийцев, глава государства Н. Хрущев поинтересовался у Тарасова, действительно ли тот готов вывести своих подопечных против профессионалов. Тарасов ответил утвердительно. После чего Хрущев дал отмашку, разрешающую готовиться к подобным матчам. Как мы знаем, таковые пройдут восемь лет спустя, когда Хрущева уже не будет в живых, а Тарасова отстранят от руководства сборной. Впрочем, не будем забегать вперед.

Вскоре после Олимпиады-64 Тарасов пробил в жизнь и другой проект – создание ежегодного турнира для детей под названием «Золотая шайба» (эта инициатива была поддержана Федерацией хоккея СССР, а также ЦК ВЛКСМ и газетой «Пионерская правда»). Посредством этого турнира он собирался выявлять юные таланты, которые впоследствии должны были составить гордость советского хоккея, влившись в клубные команды, а оттуда и в сборные. Этот турнир начнет проводиться с 1965 года среди дворовых команд, причем на протяжении семи лет соревнования организовывались для 13—15-летних юных хоккеистов без деления участников по возрасту. Потом введут две возрастные группы – 10–12 и 13–14 лет, а с 1975 года появится группа 15–16 лет. Именно в 75-м автор этих строк и стал участником «Золотой шайбы», играя за жэковскую команду Бауманского района. На первенстве Москвы мы заняли 4-е место. Золотое было время! Впрочем, это совсем другая история, поэтому вернемся к взрослому хоккею.

«Качать Тарасова!» После победы на Олимпиаде в Инсбруке (1964)

Байки Тарасова

Тарасов написал несколько книг, в которых поведал миру о своем нелегком тренерском труде, а также рассказал о взаимоотношениях с хоккеистами: где-то простых, где-то сложных. Причем многие из этих игроков, о ком рассказывал Тарасов, позднее опровергали эти рассказы, заявляя, что они рассказаны исключительно с тарасовской колокольни. Поэтому если у кого-то была такая возможность, то они старались рассказать свою версию подобных, как они сами их называли, «боек Тарасова». Вот лишь одна такая история, которую мы начнем с рассказа Тарасова, опубликованного им в книге «Совершеннолетие» (1970):

«Глубокой осенью 1962 года, готовясь к первенству мира, мы совершали турне по Канаде. Команда наша, выступающая в значительно обновленном и омоложенном составе, играла успешно: в десяти встречах мы добились девяти побед.

Но вот стало известно, что три наших нападающих – Александр Альметов, Константин Локтев и Виктор Якушев, нарушая обет, данный торжественно коллективу, тайком курят.

Собрание команды было бурным. Все трое клятвенно заверяли, что никогда никаких срывов спортивного режима они не допустят. Что нужно было делать – простить нарушителей или наказать их?

Считаю, что решение тогда было принято правильное: Альметова и Якушева оставили в команде условно, до первого замечания. А капитана команды Локтева из сборной вывели. Ведь он был капитаном! И, поймите правильно, отчислили не только за курение. А за обман коллектива. За нарушение клятвы. За то, что, будучи капитаном, служил плохим примером для молодых игроков...

Хочу отметить, что спустя некоторое время Константин вернулся в сборную. Своей игрой, своим отношением к товарищам, строгим исполнением всех требований коллектива он честно заслужил это право. А в сезоне 1966 года он был признан лучшим нападающим мира. Наказание не убило его, а помогло ему выровняться, повзрослеть. И это еще раз подтвердило справедливость нашего решения...

А теперь заглянем в книгу спортивного журналиста Е. Рубина (он работал в газете «Советский спорт») «Пан или пропал!» (2000), где он пишет следующее:

«Осенью 1963 года Локтева амнистировали и вернули в сборную. При встрече я его поздравил и спросил:

– Курить-то ты бросил? Костя усмехнулся и сообщил мне еще одну быль о своем мэтре (Тарасове. – Ф. Р.).

– Вызвал он меня к себе и спросил, знаю ли, за что изгнан из сборной. Я ответил, что знаю – за курение. «Вот и дурак, – говорит. – Вспомни прошлый год и Свердловск. Вспомнил? Тогда можешь идти. Ты прощен». Конечно, я вспомнил. У меня в этом городе есть друзья – муж с женой. Я их пригласил на матч, провел на трибуну, а там ни одного свободного места. Я раздобыл два стула, поставил их за нашей скамейкой запасных и усадил гостей. Тарасов увидал, что рядом с командой посторонние, и начал на них кричать: мол, безобра-

зие, подослали к нам местных шпионов. Я сказал что-то резкое. Он промолчал, но поглядел на меня косо. У меня и в мыслях не было, что он мне будет мстить.

И месть эта была жестокой. Бог с ней, с золотой медалью, без которой остался Локтев. Но он потерял причитавшиеся ему суточные и тысячерублевую премию. А мог, пропустив сезон, навсегда потерять место в сборной: ему ведь уже было почти 30 лет...»

Женсовет Тарасова

У тренера Тарасова было много различных нововведений (как сказали бы сейчас – ноу-хау). Например, в ЦСКА он изобрел так называемый женсовет: неофициальный орган, в который вошли жены игроков армейского клуба. Сделано это было не случайно, а с прицелом. Будучи прекрасным психологом, Тарасов понимал, что его влияние на хоккеистов заканчивается за пределами спортивной площадки, после чего у игроков появляются другие «тренеры» – их жены. Именно их он и решил прибрать к своим рукам, чтобы они помогали ему держать в узде игроков и вне ледового поля. Для этого он периодически собирал женсовет и говорил, к примеру, следующее: «Я заметил, что у вас давно не было новых шуб. Но с тем подходом, который сложился у ваших мужей к тренировочному процессу, новых шуб у вас еще долго не будет. Поэтому я предлагаю сделать следующее. Поговорите со своими вторыми половинами и объясните им их задачу. Кое-кто из них считает, что я с ними слишком суров и требователен. Но я хочу лишь одного, вернее двух: чтобы мы были самой сильной командой в мире и чтобы вы меняли свои шубы как можно чаще». Естественно, что после такого спича жены шли домой и брали инициативу в свои руки – объясняли мужьям, кто в доме хозяин.

Однако не все хоккеисты соглашались на то, чтобы их жены состояли в тарасовском женсовете. Одним из таких игроков в начале 60-х был защитник Иван Трегубов по прозвищу Иван Грозный. С ним у Тарасова были сложные отношения, поскольку Трегубов имел смелость не позволять тренеру садиться себе на шею. Тарасов, конечно, рад был избавиться от Трегубова, но больно хорошо тот играл. Только это и удерживало тренера от его увольнения из команды, хотя поводов к такому повороту событий было предостаточно. Например, Трегубов стал частенько нарушать режим – прикладывался к бутылке, – а для такого человека, каким был Тарасов, это было равносильно предательству на поле боя.

Ситуация не изменилась даже тогда, когда Трегубов женился и переехал к жене в подвальную комнату на Неглинной. Более того, вскоре и сама жена защитника Ольга стала участвовать в застольях мужа. Чтобы контролировать ситуацию, Тарасов и решил ввести Ольгу в женсовет команды. Но Трегубов осадил тренера самым решительным образом. Когда тот пришел к нему домой с этим предложением, он заявил, что его жена ни в какие женсоветы не пойдет. Гостя это заявление задело. «Я старший тренер, в конце концов!» – попытался он воздействовать на защитника аргументом, который частенько срабатывал в общении с другими подопечными. Однако с Трегубовым этот номер не прошел. Он заявил: «Ольга – моя жена, и в этом доме я хозяин!» В итоге гость ушел от них несолоно хлебавши.

Раз уж речь зашла о личном, самое время рассказать о второй половинке самого Тарасова – его жене Нине Григорьевне. Они познакомились в Московском институте физкультуры в 1939 году. Она там училась, а Тарасов уже посещал курсы Высшей школы тренеров. Их институт каждый год участвовал в физкультурном параде, и однажды летом они выехали в Серпухов, на Оку, и тренировались. Одна палатка для парней, другая – для девчонок. При-

чем их тогдашняя программа называлась «Если завтра война...». Нина делала всякие гимнастические упражнения, а Тарасов держал деревянный настил, по которому гоняли мотоциклисты. А вечерами ребята из тренерской школы приходили к девочкам с гитарами, пели песни. Именно там они впервые и обратили внимание друг на друга. Стали встречаться.

Когда Тарасов закончил обучение, Нина училась на четвертом курсе. И чтобы не потерять друг друга, они решили пожениться. Выглядело это просто: они пошли в Бауманский райисполком и записались в книгу регистрации браков. После чего отправились в институтскую столовую и заказали себе... бефстроганов. В обычные дни они на такое блюдо не расщедривались, но тут был особый случай! По дороге новоиспеченный муж купил мне несколько гвоздик и красивую вазочку. С ней Нина и вернулась в общежитие. А Тарасов тем же вечером... уехал в Одессу. Его пригласили поработать тренером в местную футбольную команду «Динамо». Он только успел забежать домой и написать записку: «Мама, я, кажется, женился!» И виделись супруги весь следующий год, только когда команда Тарасова приезжала в Москву. Зато он всегда привозил жене подарки – туфли и босоножки, с которыми в столице было плохо.

В 1941 году у Тарасовых родился первенец – дочь Галя. А шесть лет спустя на свет появилась еще одна дочка – Таня, которая впоследствии пойдет по стопам отца и тоже станет тренером, но в фигурном катании. Как вспоминала Н.Г. Тарасова: «Анатолий Владимирович очень хотел сына и, когда у нас родилась вторая дочка, Татьяна, сразу решил: раз уж не малый и хоккеиста в семье не будет, пусть дочка на фигурное катание идет. Встать на коньки – это обязательно! Когда Тане исполнилось пять лет, мы все вместе поехали на стадион Юных пионеров и устроили ее в секцию, – рассказ Нины Григорьевны приближается к завершению. – Татьяна увлеклась коньками сразу и безумно. На тренировки бегом бежала. Был случай, она так спешила запрыгнуть в трамвай, что просунула голову в вагон, когда двери сошлись! Несколько метров ей пришлось бежать рядом с зажатой головой, пока трамвай не остановили. Зимой Таня занималась и на катке рядом с домом. А отец придирчиво следил с балкона за ее успехами. Очень серьезно и строго относился к ее занятиям...»

Чернышев против Тарасова... в кино

Как ни странно, но, несмотря на прекрасные результаты сборной, Чернышев и Тарасов не особенно ладили друг с другом. Говорят, что Тарасов называл своего партнера по сборной «художником» (нечто вроде «ботаника» сегодня), а иногда и «Адькой-дурачком». Видимо, ему не давало покоя то, что в сборной игроки его уважали, но это уважение зиждилось на страхе, в то время как в отношении Чернышева это уважение было завоевано через любовь. В газетах тех лет об этом, правда, не писали, однако в спортивных кругах о непростых отношениях между этими тренерами знали многие. Вот как об этом рассказывает бывший тренер «Спартака» Н. Карпов: «В чемпионате Тарас Чернышева делал. А вот как приезжают на первенство мира, Тарасов начинает команду гонять до полусмерти. Ребята идут к Чернышеву: «Успокойте его, сил больше нет». Тот бросает: «Толя, хватит!» Игру сборной вел Чернышев. Тарас только за спинами метался: «Снимай его, Аркадий Иванович!» Чернышев терпит-терпит, потом повернется: «Толя, иди отсюда на...» Короче, они друг друга терпеть не могли! Как кошка с собакой!..»

В 1964 году об этих непростых отношениях узнали и миллионы болельщиков, посмотревшие художественный фильм «Хоккеисты», снятый на «Мосфильме» режиссером Рафаилом Гольдиным. Но сначала расскажем о предыстории этого фильма.

В 1964 году Тарасов уволил из ЦСКА одного из ветеранов команды – защитника Николая Сологубова, которому на тот момент было уже 40 лет. В ЦСКА он играл с 1949 года и девять раз становился с ним чемпионом СССР. Кроме этого он был дважды чемпионом мира, шестикратным чемпионом Европы, один раз завоевывал олимпийское золото. Несмотря на возраст, он был в хорошей форме и в 1963 году, в возрасте 39 лет, стал чемпионом мира и Европы. Правда, сыграл на том турнире всего один матч (против сборной ФРГ), но отметился голом (наши выиграли 15:3). Сологубов был единственным в мире хоккеистом, кого ЛИХГ трижды признавала лучшим защитником чемпионата мира (1956, 1957, 1960). Он долгие годы был капитаном ЦСКА и сборной СССР и пользовался среди товарищей непререкаемым авторитетом. Собственно, именно этим он и не нравился Тарасову, поскольку мог позволить себе выступить против его тренерского диктата. Во многом именно это, а не возраст, и стало поводом к тому, чтобы Сологубов был уволен из ЦСКА и переведен в своего рода фарм-клуб этой команды – СКА МВО. Именно эта отставка и стала поводом к тому, чтобы в том же 1964 году на главной киностудии страны появился на свет фильм «Хоккеисты». Этому способствовала и политическая обстановка в стране, когда осуждение сталинизма получило новый импульс после XXII съезда КПСС в 1961 году, а Тарасова, как мы помним, за глаза называли «Сталиным в хоккее». Например, в советском кинематографе точно так же именовали знаменитого кинорежиссера Ивана Пырьева, за что в том же 1964 году он был подвергнут публичной обструкции (вышла разгромная статья о нем в «Известиях») и снят с руководства «Мосфильмом». Короче, руководителям с диктаторскими замашками в тот период приходилось несладко.

Сюжет «Хоккеистов» был незатейлив и у большинства хоккейных болельщиков не оставлял никаких сомнений относительно прототипов героев. В столичную команду «Ракета» приходит новый тренер Лашков (актер Николай Рыбников), который ни в грош не ставит чувства людей и гонится исключительно за результатом. В итоге он решает уволить из команды лучшего нападающего – ветерана команды. За этого игрока горой встает его друг и партнер по звену Анатолий Губанов. Отметим, что эта фамилия героя была выбрана не случайно, а с намеком: игроков ЦСКА Ивана Трегубова (как мы помним, его Тарасов уволил в 1962 году) и Николая Сологубова, которые крепко дружили друг с другом, за глаза называли «братьями Губовыми». Так вот, Губанов говорил тренеру Лашкову те самые слова, которые Трегубов как-то сказал Тарасову: «Вы, конечно, тренер выдающийся, настоящий знаток хоккея, но вы не любите людей». В итоге этого конфликта побеждают игроки. В жизни, как мы знаем, все произошло наоборот: «братьев Губовых» уволили, а Тарасов остался.

Афиша фильма «Хоккеисты»

Сценаристом фильма выступил писатель Юрий Трифонов, который дружил с «братьями Губовыми» и хорошо знал всю подоплеку происходивших в ЦСКА конфликтов. Тема была очень актуальной по тем временам, когда шла борьба с так называемым «культом личности» во всех сферах общества: с одной стороны, тренер-диктатор, которого люди за глаза называли «Сталиным в хоккее», с другой – игроки с независимыми и свободолюбивыми характерами. Консультантами в картину были приглашены вечные соперники армейцев – динамовцы Аркадий Чернышев и Виктор Тихонов. Так что своим участием в этом фильме Чернышев ясно демонстрировал спортивной общественности, как он относится к тем методам, которые практиковал Тарасов в своих взаимоотношениях с игроками.

Самое интересное, но после выхода фильма на экраны страны (в феврале 1965 года) Чернышев и Тарасов продолжали руководить сборной СССР и ничем не выдавали того, что между ними существует какой-либо конфликт. Может быть, его и вовсе не было, а история с фильмом «Хоккеисты» не имела к ним никакого отношения?

Между тем именно наличие в нашей сборной тренеров, у которых были диаметрально противоположные мировоззрения – авторитарный (Тарасов) и демократический (Чернышев) – и позволило советскому хоккею стать сильнейшим в мире. Впрочем, и сама советская система была тогда сильна именно этим – сплавом авторитаризма и демократии, которые опирались на сильную идеологию. В спорте авторитаризм делал из спортсменов послушных воле тренера людей, готовых ради великой цели на настоящее самопожертвование. Именно этим объясняется то, что только в СССР прижилась «система сборов» – когда спортсменов на долгие месяцы закрывали на спортивной базе, где они постоянно тренировались. Эти тренировки потом приносили фантастические результаты. Вот как это выглядело в хоккее, со слов В. Акопяна: «Очевидным достоинством нашего хоккея перед любым его зарубежным оппонентом, особенно канадским, был «сборный» принцип существования клубов высшей

лиги и, естественно, сборной страны. Практически весь класс «А» находился на постоянных сборах. Игроки команд (да и не только они) каждый год пребывали в своеобразной 10– или 11-месячной командировке. Не только военные (ЦСКА, «Динамо», СКА), но и гражданские (профсоюзные) клубы оставались все это время на казарменном положении. Спортсмены не принадлежали себе, всецело были подчинены коллективной дисциплине команды. Не только молодые спортсмены, всегда составляющие большинство коллектива, но и зрелые семейные люди (тренеры, врачи, массажисты, администраторы, спортсмены-ветераны) были надолго выключены из полноценной человеческой жизни. Они, как и члены их семей, годами беззаветно служили только хоккею, стойко снося многочисленные житейские неудобства. В этом командном и авторитарном принципе руководства и существования команд заключалось априорное преимущество нашего хоккея перед зарубежным. Именно такой образ жизни хоккеистов в условиях непрекращающихся или чередующихся сборов и поездок определял характер сезонного календаря и огромный удельный вес тренировочных занятий в общей занятости спортсменов хоккеем. Только благодаря этому преобладанию тренировок советский хоккей сумел за короткий срок преодолеть историческое отставание от мирового, прежде всего, канадского. Много и качественно тренируясь, наши хоккеисты позднее создали задел для постоянных и более частых побед над канадскими профессионалами всех рангов (клубы, сборные). Но именно в силу такого уклада работы и жизни нашего хоккея спортивный век даже самых талантливых и одержимых в труде советских хоккеистов был, как упоминалось выше, на удивление коротким – до 31–32 лет. Львиную долю своего труда и сил они отдавали в ходе карьеры тренировочным занятиям...»

Тарасов против Боброва и Эпштейна, или Как и почему отцепили Евгения Майорова

Еще в 1963 году к руководству московского «Спартака» пришел давний антагонист Тарасова Всеволод Бобров. Как мы помним, он когда-то (в конце 40-х) играл в одном звене с Тарасовым, но очень быстро с ним разругался. И когда в 1958 году Тарасов сменил на тренерском мостике в сборной СССР Чернышева, Бобров тут же повесил коньки на гвоздь, хотя до этого блестяще играл в сборной несколько сезонов и был капитаном команды. Но играть под руководством Тарасова было выше его сил.

Уйдя из хоккея, Бобров вновь вернулся в футбол – стал тренером футбольной команды ЦСК МО, которая при нем завоевала сначала 5-е (1957), затем 3-е (1958) места в чемпионате страны. Затем Бобров уехал из Москвы в Одессу – тренировать местный «Черноморец», который выступал во второй лиге. Но больших высот с этим клубом Бобров не завоевал, поэтому в начале 60-х вернулся в Москву. И очень скоро был приглашен на должность старшего тренера хоккейного «Спартака», который в 1962 году, при тренере Александре Новокрещенове, впервые сумел стать чемпионом страны (отметим, что тот руководил командой всего два года, причем пришел в нее после того, как в сезоне 1959/1960 она заняла... 17-е место из 18 существовавших). Однако в следующем году (1963) «Спартак» занял 3-е место, что стало поводом к смене тренеров – на место Крещенова был назначен Бобров. Может быть, потому, что все в Спорткомитете знали о вражде Боброва с Тарасовым и надеялись, что она станет дополнительным стимулом к тому, чтобы «Спартак» при новом руководителе смог бросить серьезный вызов ЦСКА. Однако с первого захода это сделать не удалось: в 1964 году спартаковцы вновь вынуждены были довольствоваться 3-м местом, пропустив вперед себя ЦСКА Тарасова и «Динамо» Чернышева. Кстати, обоим этим тренерам Бобров и его подопечные проиграли: ЦСКА – 2:4 и 4:8, «Динамо» – 3:9 и 4:8. У «Спартака» была одна супертрояка – Борис Майоров – Вячеслав Старшинов – Евгений Майоров, в которой главным «забивалой» был Старшинов – в сезоне-64 он забил 34 шайбы, заняв 3-е место в списке лучших бомбардиров (возглавляли его армейцы: Александр Альметов – 40 шайб, Вениамин Александров – 39 шайб).

У динамовцев лучшим «забивалой» был Станислав Петухов, на счету которого была 21 шайба. Но «Динамо» Чернышева исповедовало, как мы помним, игру от обороны, поэтому шайб забивало меньше, чем ЦСКА и «Спартак»: всего 152 шайбы против 246 армейских и 165 спартаковских. Но эта тактика позволяла им и мало пропускать: 2-е место после ЦСКА – 96 пропущенных шайб (у армейцев этот показатель равнялся 84 шайбам).

Все вышеназванные игроки (кроме Е. Майорова и С. Петухова) были приглашены Тарасовым и Чернышевым в сборную СССР, которая в 1965 году на чемпионате мира и Европы в Финляндии в третий раз подряд завоевала золотые медали. Причем на том чемпионате наши ребята выиграли все семь матчей, после чего довели серию выигранных матчей

сборной СССР на чемпионатах мира до 19. Это был рекорд – таких достижений не имели даже недавние фавориты мировых турниров канадцы.

Кстати, если отсутствие Петухова еще можно было назвать справедливым (в сборной у него не было своего постоянного звена), то вот в отношении Майорова этого сказать было нельзя. В родном «Спартаке» и сборной он играл с постоянными партнерами: со своим родным братом Борисом Майоровым и Старшиновым. Эта тройка считалась ведущей в «Спартаке» и в сезоне 1964/1965 забросила больше 60 шайб, а «Спартак» завоевал серебряные медали. Почему же Евгений Майоров, который привлекался в сборную с 1963 года, на этот раз не удостоился такой чести? Все дело было в Тарасове, который захотел заменить его игроком своего клуба, ЦСКА, Анатолием Ионовым. Тренеру показалось, что Майоров в том сезоне играет значительно слабее Ионов и поэтому будет лучше, если в сборной эта спартаковская тройка заиграет в новом составе. Перечить тренеру никто не посмел. А тройка Ионов – Старшинов – Майоров забила на чемпионате 15 шайб, хотя на прошлогоднем мировом первенстве на их счету было на три заброшенных шайбы больше.

Кстати, на мировом турнире в Финляндии самым главным «забивалой» стал игрок сборной ЧССР Ярослав Иржик из клуба ЗКЛ (Брно), забросивший 8 шайб (+ 4 голевые передачи). Наши игроки Локтев и Альметов забили по семь шайб.

Также отметим, что на тренерском мостике в сборной ЧССР на том чемпионате произошла рокировка. До этого на протяжении двух последних лет командой руководили Владимир Костка и Иржи Антон. Причем Костка пришел к руководству национальной команды в 1961 году, когда сборная ЧССР сумела стать чемпионом Европы (вторым тренером был Зденек Андршт).

Костка никогда не тренировал какой-либо чехословацкий хоккейный клуб, однако считался ведущим теоретиком чехословацкого хоккея, профессором Карлова университета в Праге, деканом факультета физического воспитания и спорта. С первой сборной он начал работать еще в 1956 году.

Что касается Владимира Боузека, то он был родом из южноморавского Тржебича, когда-то играл в футбол и хоккей в первой лиге, причем в обоих популярнейших видах спорта он выступал в форме национальной сборной. В 1949 году он даже стал чемпионом мира по хоккею. Боушек тренировал брненскую «Комету» во времена ее высочайшего взлета, а затем – сборные ГДР и ФРГ. Боушек, в отличие от Костки, считался выдающимся практиком. Как отмечали люди, близко знавшие его, будучи всегда в шляпе (даже на тренировках), он замечательно воздействовал на психическое состояние игроков – до матча и в ходе его. Он умел объяснить своим подопечным их способности, их талант, традиции их клуба, преимущество «своих стен».

Он умел активизировать команду, сплачивать ее, регулировать межличностные отношения в коллективе и устранять разногласия. Этот профессиональный преподаватель физкультуры знал педагогику, умел выслушивать игроков и вместе с ними искать решение их частных проблем.

Все это позволило Боузеку стать одним из лучших тренеров за всю историю чехословацкого хоккея – под его руководством клубные команды (причем не только в родной Чехословакии, но и в ГДР и ФРГ) 13 раз становились чемпионами страны. К руководству сборной ЧССР Боушек однажды уже привлекался – в 1954–1956 годах – и тогда высшим достижением для сборной стало 3-е место в 1955 году. А когда в 1965 году Боушек снова встал у руля сборной, команда сумела завоевать серебряные медали (после прошлогодней бронзы это было несомненным шагом вперед). Тот же результат Боушек и Костка повторяют и в следующем году, о чем мы еще расскажем, а пока вернемся в год 1965-й.

Спустя месяц после завершения мирового турнира закончился чемпионат СССР по хоккею (21 апреля 1965 года). Золотые медали вновь достались хоккеистам ЦСКА, а вот при

распределении остальных мест произошли изменения. Бессменный (на протяжении трех лет) обладатель второго места «Динамо» откатилось на 4-е место, а вместо него вторым стал «Спартак» Всеволода Боброва, который в том сезоне проиграл ЦСКА три игры (1:9, 2:5, 0:6) и одну игру сгонял вничью (1:1). Зато с «Динамо» спартаковцы сыграли куда лучше: две встречи выиграли (2:1, 5:3), одну проиграли (2:6) и одну свели к ничьей (3:3).

На 3-м месте в чемпионате впервые оказался воскресенский «Химик», который тренировал Николай Эпштейн – еще один антагонист Тарасова. Эпштейн исповедовал оборонительную тактику игры «1+4», что означало: один игрок в нападении и четверо в защите. Поэтому ЦСКА редко когда выигрывал у воскресенцев с крупным счетом. Например, в том сезоне 1964/1965 армейцы дважды выиграли у «Химика» с минимальным счетом 2:1, в двух других победили 8:3 и 8:5.

Рассказывает В. Акопян: «Терпеливо-выжидательная тактика игры «Химика» «от обороны» приносила ему немало заслуженных побед. А для ЦСКА такой хоккей был почти убийственным. Армейцы побеждали воскресенцев реже, чем другие команды класса «А». Результативность хоккеистов ЦСКА в этих играх была непривычно низкой. Избавляться от «воскресенского синдрома» Тарасову приходилось нечасто. Лишь к концу своей карьеры ему удалось придумать действенное противоядие для хоккея выжидания и уловок. Хоккей «от обороны» Тарасов называл разрушительным, незрелищным и тупиковым, именно так оценивая его роль на путях хоккейной эволюции. Больше всего армейского тренера тяготило в такой трактовке хоккея то, что его задачи не требовали разностороннего роста индивидуального мастерства игроков. Вернее сказать, ограничивали этот рост, сводя его к решению хоккеистами сугубо прагматических и невысоких задач. Такой хоккей не требовал самобытной обводки, поиска новых технических приемов, разнообразия и изобретательности коллективного взаимодействия партнеров. Он был почти лишен необходимости рискованных действий игроков. И, наконец, относительно пассивное ожидание ошибки соперника или удобного момента для контратаки его ворот крайне редко завершается возникновением реальной возможности успеха. Считанное число таких возможностей за 60-минутный отрезок матча дает минимальные шансы для достижения победы. Ведь число полноценных контратак обороняющейся команды за всю игру в несколько раз меньше, чем число, пусть затрудненных, попыток атакующих взять ворота соперника при длительной его осаде...»

А. Тарасов – тренер ЦСКА

Эпштейна наставник армейцев не переваривал во всех смыслах: и как тренера, и как человека. Например, «Химик» Тарасов именовал не иначе, как «синагогой», и часто напутствовал своих хоккеистов следующим пассажем: «Все маленькие, все бегут, у всех нос крючком. Так неужели мне вас учить, как обыграть эту воскресенскую синагогу?» Но «синагога» не сдавалась, с каждым годом досаждая ЦСКА все сильнее и сильнее. И Тарасов ничего не мог с этим поделать, хотя и пытался иной раз обвинить Эпштейна на коллегии Феде-

рации хоккея в пропаганде чуждого советскому хоккею стиля игры: дескать, нам нужен наступательный стиль, а не оборонительный. У некоторых очевидцев после этого складывалось впечатление, что Тарасов таким образом хочет заставить спортивное руководство сместить Эпштейна с руководства «Химиком». Однако прошло только одно смещение: Эпштейна сняли с должности старшего тренера юниорской сборной СССР, с которой он трижды побеждал на мировых турнирах. Но в «Химике» его удалось отстоять, поскольку у команды были весьма влиятельные заступники в верхах. Какие? Вот что рассказывает журналист С. Киселев: «В чем же был секрет успеха команды из провинциального городка? О том, что Николай Эпштейн создал самобытный стиль игры «от обороны», написано уже достаточно много. Гораздо меньше известно о тонкой, почти дипломатической игре, которую приходилось вести ему за пределами ледовой площадки. Николай Семенович сумел не на шутку «заразить» хоккеем очень высокопоставленных чиновников. В конце 50-х, когда игры велись еще на открытой площадке, в Воскресенск частенько наведывались на черных ЗИСах и «Чайках» председатель Мособлисполкома В.Т. Козлов, министр химической промышленности Л.А. Костандов, зав. отделом ЦК КПСС по химической промышленности В.М. Бушуев. Сановники вместе с другими болельщиками часами выстаивали на морозе, переживая за «Химик». Привилегия у них была только одна: во время перерыва зайти в тесную радиорубку и погреться там чайком или другим каким напитком.

Постоянный контакт с «кремлевскими фанатами» приносил команде огромную пользу. Не без их помощи незамедлительно решались все бытовые проблемы. Многие хоккеисты «Химика» получили квартиры в Жуковском, поближе к Москве. Таким образом Н.С. Эпштейн удерживал игроков от перехода в столичные клубы. Однако потери все же были большие, и самая ощутимая – знаменитый защитник Александр Рагулин, «уведенный» в ЦСКА (это случилось в 1962 году. – Ф. Р.).

Случались и другие передрыгания, в преодолении которых не последнюю роль играло наличие высокопоставленных болельщиков. К примеру, однажды «Комсомольская правда» опубликовала фельетон «Грузчики на поле», в котором раскрыла «страшную тайну»: воскресенские хоккеисты, оказывается, вовсе не работали грузчиками в транспортном цехе, а лишь получали там зарплату. Естественно, все знали, что подобным образом существовал тогда весь наш «любительский» спорт, однако после разгромной статьи Н. Эпштейн вполне мог лишиться места. Но устоял.

А в начале 60-х «Химик» мог вообще раз и навсегда прекратить свое существование. Тогда вышло постановление Спорткомитета СССР, по которому команды высшей лиги, не имевшие крытой ледовой площадки, лишались права участвовать в чемпионате страны. В то же время директива правительства позволяла возводить Дворцы спорта только в очень крупных городах. Страстный поклонник «Химика» член ЦК КПСС В.М. Бушуев каким-то чудом (может, через Генерального секретаря?) сумел пробить разрешение на строительство в Воскресенске крытого стадиона с искусственным льдом. И «Химик» выжил...

А вот что вспоминает про Эпштейна его коллега Николай Карпов (в конце 60-х он станет тренером «Спартак»): «В организационных вопросах Николаю Семенычу равных не было. Он даже комнату специальную оборудовал на арене – чтоб судьи отдыхали, расслаблялись. Девиц им подвозил. Никто не удивлялся, что после этого судьи разве что сами за «Химик» не забивали.

Семеныч и с табло мудрил. Помню, в счете ведем, остаются две минуты. Говорю своим: построже, мол. Проходит полторы, две, гляжу на табло – а там все те же две минуты! А как раскусили? В Воскресенске знакомые рассказали: «Коля, деревянному дворцу надо было памятник ставить. Мы время гоняли – то туда, то сюда».

Кстати, в перерывах матча Эпштейн мог с командой в лото играть. С хоккеистами игру разбирать нужно – а Колька разбирал ее с большим трудом. Над Семенычем за это лото все

посмеивались. Вот футболист он толковый был. И человек интересный. Ребята идут, печенье бросят – а он следом: «Зажрались, мать их!» Поднимет, отряхнет – съест. К нему игрок подходит, пропил всю зарплату: «Николай Семеныч, ограбили». Тот будто верит: «Ну смотри мне! В последний раз!» Достает деньги из кармана, отсчитывает. Он с авоськой ходил, полной купюр. По 200 тысяч в авоське носил – уму непостижимо. Когда братья Рагулины подросли, по ночам на простынях девок к себе в номера поднимали. На второй-третий этаж. Совсем неуправляемые стали. Вот только Эпштейн об этом узнавал позже всех...»

Итак, в сезоне 1964/1965 «Химик» впервые добился своего самого весомого результата – завоевал бронзовые медали первенства СССР, обогнав на одно очко столичное «Динамо». Правда, это не стало поводом к тому, чтобы кто-то из бронзовых призеров попал в состав сборной СССР (впрочем, из недавних игроков «Химика» там был А. Рагулин). Однако год спустя «Динамо» взяло реванш у «Химика», поменявшись с ним местами в итоговой турнирной таблице (разрыв между ними был уже куда большим – семь очков). Чемпионом вновь стал ЦСКА, а на втором месте опять оказался «Спартак». Правда, разрыв по очкам был внушительный: в прошлом году он составил 15 очков, а в этот раз – 14. И снова спартаковцы смогли лишь в одном матче довольствоваться ничьей (4:4), а три встречи проиграли с одинаковым счетом 2:5. Тарасов мог торжествовать победу, хотя на душе у него иной раз и кошки сгребли от предчувствия того, что рано или поздно его давний антагонист Бобров сможет лишить его золотых медалей. Именно Бобров, а не Чернышев или Эпштейн, рациональный хоккей которых его все-таки меньше пугал, чем непредсказуемая тактика Боброва.

Кстати, в 1965 году Бобров стал создавать в «Спартаке» вторую сильную тройку нападения, которая могла бы составить конкуренцию тройке Старшинов – братья Майоровы и помочь в противостоянии с ЦСКА. В новой тройке играли Александр Якушев, Виктор Ярославцев и Евгений Зимин. Последнего Бобров присмотрел в московском «Локомотиве», после того как его проглядел Тарасов. Вот как об этом вспоминает сам Е. Зимин: «Сезон 1964/1965 завершился. Отдел хоккея Спорткомитета СССР организовал просмотр молодежи в Новосибирске во время праздника, посвященного 20-летию Победы в Великой Отечественной войне. Я был включен в сборную Москвы. На турнир приехали тренеры почти всех команд высшей лиги – интересовались резервами для своих клубов.

Незадолго до турнира со мной поговорили два тренера. Аркадий Иванович Чернышев пообещал принять в «Динамо», Всеволод Михайлович Бобров – в «Спартак». И даже назвали предполагаемых партнеров на матчах в Новосибирске: динамовцев – Виктора Шилова и Александра Сакеева; спартаковцев Александра Якушева и Виктора Ярославцева. У меня затеплилась надежда...

Боброва в Новосибирске пока не было. А в динамовскую тройку тренер молодежной сборной Москвы Анатолий Владимирович Тарасов меня не поставил. Хотя Чернышев и наблюдал за играми, но, видимо, не захотел переубеждать Тарасова. И я остался в запасе. Огорчился, решил: обо мне забыли, нечего и мечтать попасть в именитый клуб...

Но вот приехал Бобров и удивился: почему не играешь? И в финальном матче я вышел на лед правым нападающим вместе с юными спартаковцами Якушевым и Ярославцевым. Московская команда победила, я забросил то ли одну, то ли две шайбы – теперь уж не помню. Но дело было не в этом. Главное, я понял: обещание Боброва – не пустые слова. Ему можно верить. Для меня это очень важно.

Надо сказать, что с детства я, как и мой отец, болел за футболистов «Спартака». Симпатия к этому клубу распространилась и на хоккеистов. Поэтому предложение попробовать свои силы в «Спартаке» обрадовало меня вдвойне. С другой стороны, совестно было покидать «Локомотив», игроков и тренеров, много для меня сделавших.

Состоялся откровенный разговор с ветеранами. К моему удивлению, они не были против моего перехода. Почти дословно запомнил их доводы. У тебя, мол, Женя, есть

предпосылки стать классным игроком. Но, к сожалению, в нашем хоккее сложилась такая обстановка, что в сборную попадают преимущественно игроки ЦСКА и «Динамо», да еще «Спартак» (как мы помним, первые спартаковцы появились в советской сборной лишь в 1961 году – это были Старшинов и братья Майоровы. – *Ф. Р.*). Из других клубов путь в национальную команду намного тернистее. А ведь ты наверняка мечтаешь о сборной. Мы не думаем, что ты станешь вторым Виктором Якушевым – уникальные хоккеисты неповторимы. А других локомотивцев приглашать в сборную перестали. Ты же видишь, насколько силен Виктор Цыплаков. Его взяли на один чемпионат мира (в 1961 году. – *Ф. Р.*), а больше не берут.

Конечно, я не могу с уверенностью сказать, на сто ли процентов они были правы. Не исключено, что и из «Локомотива» я в конце концов пробился бы в сборную страны. Но тогда рассуждения партнеров показались мне убедительными, и я решил перейти в «Спартак»...

Тем временем весной 1966 года под руководством Чернышева и Тарасова сборная СССР в очередной раз стала чемпионом мира и Европы (в Любляне). И снова в этой сборной не было спартаковца Евгения Майорова, который в том сезоне играл чуть менее результативно, чем его партнеры по тройке Борис Майоров и Вячеслав Старшинов, которые вдвоем забили 44 шайбы (по 22 каждый). Вместо Евгения Майорова Тарасов решил взять в сборную все того же армейца Анатолия Ионов. Однако Старшинов и Б. Майоров с прошлого года с ним не очень хорошо ладили, поэтому Тарасову пришлось дать им другого партнера – Виктора Якушева. Причем сделано это было с тайным умыслом. С каким? Вот как об этом вспоминает очевидец тех событий – Е. Рубин: «Перед отъездом сборной на первенство мира 1965 года в Люблян игроков и тренеров пригласили в Спорткомитет для традиционного в таких случаях напутствия. Но на сей раз был и дополнительный повод. Тарасов потребовал, чтобы спартаковца Евгения Майорова заменил в

Любляне нападающий ЦСКА Анатолий Ионов. Он уверял, что замена необходима: привычный вывих плеча мешает Евгению играть в полную силу, заставляет его беречься.

Даже привыкшее не удивляться ничему, что исходит от Тарасова, комитетское начальство было смущено. На тройку Старшинова и братьев Майоровых смотрели как на нерасторжимое целое, как на одно из крупнейших достижений советского хоккея (напомним, что Тарасов покусился на эту тройку еще год назад. – *Ф. Р.*). Поймут ли в кабинетах ЦК, где у «Спартак» много болельщиков, целесообразность замены? Но и отмахнуться от тарасовского предложения не так просто. Сыграет сборная в Тампере неудачно – и Тарасов скажет: «Я же предупреждал!» Не с него, а с комитета будет спрос. И верный испытанному многими поколениями чиновников методу перестраховки, председатель комитета принял соломоново решение: пусть выскажут свои соображения партнеры Евгения Майорова.

Встреча происходила при закрытых дверях. Тем не менее я поехал в комитет – послушать, что говорят и думают обо всем этом хоккеисты. Тарасов быстро ходил по коридору, держа под руку Бориса Майорова, и что-то втолковывал ему полупшепотом. Затем он оставил Бориса в покое и принялся за Старшинова. Потом снова вернулся к Майорову. В «Золотом теленке» есть сцена: два ксендза охмуряют Адама Козлевича. Тут картина тоже получилась выразительная: двух Козлевичей охмурил один ксендз.

И охмурил. Он говорил им, что травма сделала Женю нервным и раздражительным, что ему надо отдохнуть, что он молод и сборная от него никуда не уйдет. Он же, Тарасов, обещает Борису и Вячеславу пристроить Ионов в другое звено, а им вместо Евгения выделить Виктора Якушева, с которым мечтал бы сыграть каждый.

И партнеры предали друга, который одному из них был к тому же близнецом-братом. Они не нашли в себе силы сопротивляться могучей воле Тарасова. Сборная уехала в Люблян без Евгения Майорова.

Великолепная тройка так и не возродилась. Женя, самолюбивый, уязвленный изменой людей, с которыми вместе играл еще в молодежной команде, не захотел возвращаться в их компанию. В сборной он больше не появился. И оставил хоккей раньше брата и Старшинова.

Через десять лет после того, как произошла эта история, мы с женой обедали у Бориса Павловича Кулагина, с которым я тогда близко подружился. В середине 60-х Кулагин был помощником Тарасова, его наперсником и хранителем его самых сокровенных замыслов. На сборах ЦСКА в Архангельском они жили в одной комнате.

– Обычно после обеда мы отдыхали на своих койках и беседовали, – поведал мне Кулагин. – Верней, Анатолий проверял на мне свои идеи. Однажды во время такого вот послеобеденного возлежания он спросил: «Как считаешь, при наших трех тройках нападения обязаны мы победить в Любляне?» – «Да, – отвечаю, – обязаны». – «А двух – альметовской и фирсовской – хватило бы?» – «Думаю, да». – «И я так думаю. А раз так, на кой ляд мне в сборной готовить противников для ЦСКА? Женьку я отцеплю». – «А кого вместо него возьмешь?» – «Не все ли равно? Кого-нибудь подберем».

Так я узнал, какова была подоплека тарасовского демарша.

Без малого тридцать лет спустя после того приема у председателя комитета, еще при жизни Евгения, Борис Майоров был в командировке в США. Я встречал его в нью-йоркском аэропорту и привез к себе домой. Мы предавались воспоминаниям до утра, и он остался у меня ночевать. О чем только мы тогда не переговорили! Как обычно в таких случаях, вспоминали все больше истории комичные. Но попадались и грустные. Я передал Майорову рассказ Кулагина. Он сказал, что ему давным-давно все известно. Я спросил, как он относится к тому своему поступку. Он ответил:

– До сих пор не могу себе его простить. Он признался, что и сегодня не понимает, как дал Тарасову себя уговорить. А я понимаю. Тарасов мог убедить кого угодно в чем угодно. Убеждая, он так воспламенялся, что сам начинал верить в свою правоту. А что уж говорить о собеседниках, тем более его боготворивших?..»

Е. Майоров, В. Старшинов, Б. Майоров (1962).

На тройку Старшинова и братьев Майоровых смотрели как на нерасторжимое целое

А вот еще одна история про Анатолия Тарасова и Бориса Майорова, которой суждено было стать легендой. Рассказывает ее вратарь ЦСКА и сборной СССР В. Третьяк: «До сих пор в сборной, подобно легенде, рассказывают историю, как Анатолий Владимирович учил хоккеистов смелости. Однажды после длинной, утомительной тренировки он вдруг объявляет:

– Со льдом покончено. Бежим в бассейн.

Дело было в ЦСКА, бассейн там в двадцати метрах от Дворца спорта. Прибежали ребята, разделись, ждут, что дальше делать. Тарасов показывает на Бориса Майорова:

– За славным капитаном команды все на пятиметровую вышку бегом марш! А оттуда – головой вниз! Ну-ка, Боря!

Майоров поднимается и нерешительно идет к вышке, а Сологубов ему шепчет:

– Ты попроси Тарасова – пусть он вначале сам покажет. Борис мгновенно сориентировался:

– Анатолий Владимирович, а мы не знаем, как надо прыгать вниз головой. Просим показать.

Все сидят на скамеечке, с интересом смотрят. А тренер, как он потом говорил, ни разу в жизни не нырял и вообще высоты побаивался. Пошел он на вышку. Хорошо, что навстречу ему попался один настоящий прыгун. «Вы, – говорит, – не отталкивайтесь, а просто падайте на воду головой вниз».

Тарасов смело встал на краю мостика, задумался на минуту и прыгнул. И, конечно, плашмя ударился о воду. Но зато вслед за ним прыгнули все остальные. И не по одному разу. На вышку полез даже хоккеист, который не умел плавать. Его отговаривают: тебе, дескать, нырять не обязательно, посиди. А он:

– Еще подумает тренер, что я трус. Всей командой потом его выуживали из бассейна...» Кстати, во время того ныряния Тарасов отбил себе живот, что спасло хоккеистов. Выбравшись из воды с бледным лицом, тренер произнес лишь одну фразу: «Ладно, не надо нырять...»

Но вернемся на чемпионат мира и Европы 1966 года в Любляне. На нем наша сборная играла в две пары защитников (на замену выходил Олег Зайцев из ЦСКА) и три звена нападения:

1) защитники – Александр Рагулин (ЦСКА) и Виталий Давыдов («Динамо», Москва), нападающие – Константин Локтев, Александр Альметов и Вениамин Александров (все – ЦСКА);

2) защитники – Виктор Кузькин и Владимир Брежнев (оба – ЦСКА), нападающие – Виктор Якушев («Локомотив»), Вячеслав Старшинов и Борис Майоров (оба – «Спартак»);

3) нападающие – Владимир Викулов, Виктор Полупанов и Анатолий Фирсов (все – ЦСКА).

Сборная СССР выиграла шесть встреч и лишь одну сыграла вничью – со шведами (3:3). Это позволило нам занять 1-е место, обогнав чехословаков на одно очко (их мы обыграли с разгромным счетом 7:1). Главным «забивалой» в нашей команде был спартаковец Вячеслав Старшинов, который забросил 11 шайб. Он же стал грозой вратарей и в чемпионате страны сезона 1966/1967, который начался в сентябре. Причем если год назад он забил всего лишь 22 шайбы, то в этот раз отметился 47 голами. Во многом именно Старшинов (а также два его партнера – братья Майоровы) выковал победу «Спартак» в 1967 году, когда команда во второй раз завоевала золотые медали первенства СССР. Таким образом, Всеволод Бобров все-таки сумел «уделать» Тарасова после трех лет своего пребывания на тренерском мостике «Спартак». В том году спартаковцы по всем параметрам переиграли армейцев, забросив 303 шайбы (против 283 армейских) и оторвавшись от них на 5 очков (79 против 74). В этот раз в четырех играх против ЦСКА «Спартак» одержал две победы (4:2 и 7:3), одну встречу сыграл вничью (4:4) и лишь в одной уступил, причем с минимальным счетом (2:3).

Рассказывает Н. Пучков: «Как Бобров привел «Спартак» к чемпионству? Это была особая команда, сложившаяся волею случая. Она и до Боброва была один раз чемпионом. В «Спартаке» Боброву не надо было заниматься психологической подготовкой и быть в этом плане примером. И до него, и вместо него это отлично делали братья Майоровы и Старшинов, люди, которые в полном смысле слова цементировали команду. Бобров же не вмешивался в мобилизационную работу. Ему было «некогда». А вот вкус на игроков был у него абсолютный, и он разорвал спартаковский круг. Пригласил в команду Зимина, Блинова, Мартынюка и Мигунько, собрав, таким образом, по-настоящему чемпионский состав...»

Между тем за месяц до конца чемпионата СССР состоялся чемпионат мира и Европы в Австрии (он проходил 18–29 марта 1967 года). На нем выступили пятеро спартаковцев, чего раньше еще не бывало: Виктор Зингер (вратарь), Вячеслав Старшинов, Борис Майоров,

Виктор Ярославцев и Александр Якушев. В общей сложности они забили 8 шайб, что не было большим достижением (тот же Старшинов отметился всего четырьмя шайбами). В сборную мог попасть и пятый спартаковец – Евгений Зимин, который привлекался в команду накануне чемпионата, но его игра не вдохновила тренеров.

Кстати, именно тогда многие спортивные специалисты в нашей стране предлагали радикально обновить нашу сборную, включив в нее как можно больше спартаковцев. Помимо вышеперечисленных игроков назывались имена Александра Мартынюка, Виктора Блинова, Валерия Кузьмина, Алексея Макарова. Это обновление мотивировалось тем, что на чемпионате мира – 1967 сборная СССР могла поставить рекорд – завоевать пятые золотые медали подряд, но без обновления этого рекорда можно было и не достигнуть. Однако Чернышев и Тарасов довольствовались приглашением пятерых спартаковцев, оставив большинство за армейцами – их было девять игроков: Александр Рагулин, Олег Зайцев, Эдуард Иванов, Виктор Кузькин, Анатолий Фирсов, Виктор Полупанов, Александр Альметов, Вениамин Александров, Владимир Викулов. Еще несколько клубов были представлены каждый одним игроком: «Динамо» – Виталием Давыдовым, «Локомотив» – Виктором Якушевым, «Химик» – Валерием Никитиным, «Торпедо» (Горький) – Виктором Коноваленко.

Самым тяжелым на мировом турнире матчем для наших игроков была встреча с канадцами. В том году это была уже четвертая игра этих команд друг против друга. А началось это противостояние в январе 1967 года, когда в Канаде проводился Турнир столетия, в котором играли четыре сборные: Канады, СССР, ЧССР и Швеции. Наша сборная выступила неудачно: проиграв чехословакам (2:5) и хозяевам турнира (4:5), завоевала лишь 3-е место. После чего сыграла еще три товарищеских матча с канадцами. И снова неудачно: 3:3, 3:4 и 5:3. Поэтому, когда 27 марта 1967 года в Вене эти сборные снова сошлись на льду, многие специалисты ставили на канадцев. И в первом периоде эти прогнозы были близки к тому, чтобы сбыться – наши проигрывали 0:1. Во втором периоде советская сборная сравняла-таки счет, а в заключительной двадцатиминутке сумела вырвать победу – 2:1.

Принято считать, что советская сборная всегда играла честно, а вот неспортивные методы борьбы использовали лишь ее соперники. Но это было не так. Наши хоккеисты порой тоже шли на разного рода уловки, правда, часто не по своей воле, а по велению тренеров. Так случилось и на венском чемпионате – 1967, когда против сборной СССР играла сборная Канады. Самым выдающимся игроком в этой любительской команде был игрок НХЛ, защитник Карл Брюер (или Бревер), который в 1958–1967 годах играл в клубах «Торонто Мэйпл Лифз» и «Детройт Рэд Уингз». В 1963 году он вошел в «Олл старз» НХЛ. Зная о том, что он у канадцев самый опасный, Тарасов перед игрой дал установку Александру Рагулину: попытаться вывести из строя Брюера. И наш защитник с этим заданием справился – его канадский визави отыграл лишь первый период, после чего играть дальше не смог. Самое интересное, но по итогам этого чемпионата именно А. Рагулин и К. Брюер были включены в символическую сборную мира как лучшие защитники.

Несмотря на свои победы над канадцами, наши тренеры прекрасно отдавали себе отчет, что канадская школа хоккея по-прежнему является самой серьезной угрозой для советской школы. И это при том, что с 1963 года канадцам ни разу так и не удалось победить сборную СССР на чемпионатах мира. И только в родных стенах, на Турнире столетия, им удалось это сделать. Но Тарасов прекрасно понимал, что рано или поздно время встреч с канадскими любителями закончится и советским хоккеистам предстоит скрестить свои клюшки с профессионалами из НХЛ. Как покажут дальнейшие события, тренер в своих выводах не ошибется. Однако ему самому вывести игроков против канадских «профи» так и не доведется. Но об этом расскажем чуть позже.

ЦСКА – собиратель талантов

Большинство хоккейных болельщиков недолюбливали ЦСКА за одну особенность: только этот клуб имел возможность забирать себе самых талантливых игроков из других команд, поскольку у Министерства обороны, которое было хозяином ЦСКА, была прерогатива призывать молодых людей в армию. Поэтому, едва в каком-нибудь клубе объявлялся перспективный игрок, как тут же его призывали в ряды вооруженных сил и он, чаще всего, оказывался в ЦСКА (именно тогда в среде болельщиков ЦСКА стали именовать «конюшней», где были собраны самые «породистые скакуны»). Пишу «чаще всего», поскольку все же были случаи, когда ряд игроков отказывались уходить к армейцам и оставались в родном клубе. И это при том, что переход в ЦСКА сулил игрокам хорошие перспективы: улучшение материального положения (Минобороны на траты не скупился) и возможность попасть в сборную страны – если не в первую, то во вторую. Среди тех, кто так и не поддался соблазну стать игроком ЦСКА, было несколько известных хоккеистов. Например, вратарь горьковского «Торпедо» Виктор Коноваленко и нападающий московского «Локомотива» Виктор Якушев. Им обоим неоднократно предлагалось встать под знамена армейцев, но они каждый раз отказывались. При этом оставались игроками не только своих клубов, но и приглашались в первую сборную страны. Такая же история была и с двумя столичными динамовцами: Александром Мальцевым и Валерием Васильевым. Правда, в их случае за них заступилось их родное общество «Динамо», которое курировало не менее сильное ведомство – КГБ.

В «Спартаке» таким игроком, к примеру, был Евгений Зимин, которого в 1967 году, когда в команде сменился тренер (ушел В. Бобров), Тарасов пытался переманить к себе, отправив в качестве парламентаря своего игрока Виктора Полупанова. Однако про эти переговоры стало известно прессе («слив» произошел по инициативе «Спартака»), появились статьи об этом, и Тарасов, озадаченный этим шумом, вынужден был приостановить процесс переманивания в ЦСКА талантливых игроков из других клубов. Однако прежде, чем это произошло, он успел-таки обзавестись сразу несколькими игроками, которые очень скоро войдут в элиту не только советского, но и мирового спорта. Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.